

Хелена
Хейл

СЕРДЦЕ

ЛЕТА

*От автора
романа
«Лавандовая
ветвь»*

Trendbooks

Хелена Хейл

Сердце лета

«Издательство CLEVER»

2022

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Хейл Х.

Сердце лета / Х. Хейл — «Издательство CLEVER»,
2022 — (Trendbooks)

ISBN 978-5-00211-323-1

У меня нет выбора, в моей семье слово бабушки – закон. Я не смею перечить и мучительно жду совершеннолетия, чтобы обрести свободу. После встречи с ним у меня выросли крылья. Я хочу выбраться из клетки и познать настоящую любовь.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00211-323-1

© Хейл Х., 2022
© Издательство CLEVER, 2022

Содержание

Плейлист:	5
Часть 1	6
Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	32
Глава 7	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Хелена Хейл

Сердце лета

Посвящается бабушке Нине...

Плейлист:

1. Михаил Круг – «Владимирский централ»
2. The Black Eyed Peas – «My Humps»
3. Эйкон при участии Эминема – «Smack That»
4. One Republic – «Apologize»
5. The Pussy Cat Dolls – «Buttons»
6. Evanescence – «Bring Me to Life»
7. Нелли Фургадо при участии Тимбалэнда – «Say it Right»
8. The Rasmus – «No Fear»
9. Skillet – «Comatose»
10. Macklemore & Ryan Lewis при участии Рэя Далтона – «Can't Hold Us»
11. Ace of Base – «Happy Nation»
12. Mr. President – «Coco Jambo»
13. Мурат Насыров – «Я – это ты»
14. Boomfunk MC's – «Freestyler»
15. Кид Кади – «Day'N'Nite»
16. Fabolous – «You Be Killin Em»
17. Daughtry – It's Not Over

Часть 1

*«Я устал быть тем, кем ты хочешь, чтобы я был.
Я утратил веру и чувствую себя потерянным.
Я не знаю, чего ты от меня ожидаешь,
Ты меня подавляешь.
...
Каждый шаг, который я делаю, для тебя —
очередная ошибка».*

Linkin Park – «Numb»

Пролог

2009 год, 2 июля

Я крутила педали велосипеда, наслаждаясь тем, как ветер обдувает тело и волосы, даря прохладу. Петляя по ложбинам деревни, я вывернула руль в сторону кладбищенской церкви. Некогда красный кирпич стал бледно-оранжевым, кое-где вовсе обвалился, однако купола смотрелись внушительно, играя на солнце серебристыми бликами. Кладбище пустовало, то есть, конечно, могил было много, а вот из живых никого не наблюдалось.

Устремившись к плотине, я снова на бешеной скорости проехала по ровному склону, чуть не запутавшись в педалях, и преодолела несколько кочек, чудом не свалившись с велосипеда. Дорог в нашей деревне не существовало, были лишь обкатанные тракторами колеи, которые как раз и считались проходимыми тропами. Удивительно, но я не встретила ни одного знакомого лица. Наверное, из-за тридцатипятиградусной жары все сидели по домам, боясь свалиться от солнечного удара. А мне было тринадцать, поэтому никакие обстоятельства не могли удержать меня в четырех стенах.

Наконец я добралась до плотины. Прокатившись по прямой узкой дороге, я повернула налево, на свою самую нелюбимую тропинку. Те, кто ступали на нее в первый раз, запросто могли свалиться вниз, в глубокий овраг. Особенность этой тропы была в том, что она проходила под наклоном, буквально над обрывом, и была очень-очень узкой. Если бы бабушка или дед увидели, как я проезжаю этот опасный участок на велосипеде, мне бы пришел конец.

Я не собиралась сбавлять скорость и пугаться, глядя вниз, однако кое-что меня все-таки отвлекло. Я услышала громкие жалобные стоны. От резкого торможения взметнулась пыль, я откашлялась, прислонила велосипед к березе и подошла к обрыву: звуки доносились снизу. Обзор загромождал густой кустарник. Раздвинув неподатливые ветки, я опустила на колени перед склоном и осмотрелась.

– Помогите!

Бросив взгляд туда, откуда доносился голос, я заметила руку, скользившую по торчавшему из земли камню. Не на шутку перепугавшись, я поняла, что, кроме меня, тринадцатилетней хилой девчонки, помочь некому. Схватившись за гибкий тонкий ствол дерева, росшего прямо на обрыве, я осторожно ступила на выступ.

– Я здесь! Сейчас попробую помочь! – крикнула я.

Дерево изогнулось, и я не знала, выдержит ли оно двойную нагрузку, но что оставалось делать? Добравшись до острого камня, в который вцепился неизвестный, я, встав на колени, схватила его за руку, продолжая держаться за хилый ствол дерева. Это был единственный способ взобраться наверх.

– На счет «три» хватайтесь! Раз, два, три!

Тут в мою руку вцепилась чужая рука, и я изо всех сил потащила неизвестного наверх. Песок и камни осыпались из-под ног. Мальчишка забросил ногу на выступ, ухватился свободной рукой за ствол дерева, и мы вместе выбрались наверх, несколько раз поскользнувшись на осыпавшемся песке. Пару минут полежав и отдышавшись, я оседлала велосипед и внимательно посмотрела на мальчишку – он так и валялся на тропинке, глубоко дыша.

То, что я видела его впервые, меня поразило. Как-никак я знала всех жителей деревни. Вероятно, новенький или приехал погостить к знакомым. У него были непослушные кудрявые каштановые волосы, темно-зеленые глаза цвета еловой хвои, широкий нос с горбинкой и большеватые для мальчишки губы. В тринадцать я считала, что у всех мужчин губы тонкие и невыразительные. На вид ему было лет пятнадцать-шестнадцать.

Наконец он встал, отряхнулся, откашлялся и зашагал в сторону плотины. Я недоуменно уставилась ему вслед.

– Эй, а где «спасибо»?! – крикнула я.

– Ага! – бросил он в ответ и скрылся за деревьями.

Чувство несправедливости и злости захлестнуло меня. Каков хам! Не зря я не любила новеньких, да и бабушка не раз рассказывала мне о том, как в нашей деревне орудовали воры, крали даже детей, поэтому я не придумала ничего лучше, чем просто ретироваться с места встречи, вместо того чтобы догнать паренька и столкнуть его обратно в овраг. Зачем бабушка рассказывала мне эти байки в детстве? Наверное, хотела припугнуть, чтобы я была осторожнее, а в итоге превратила в параноика. Много лет спустя я вспоминала этот день с одной только мыслью – на кой черт я его спасла?

Глава 1

2011 год, 20 июня

На летние каникулы мы в очередной раз поехали в деревню. Она находилась в Курской области и отличалась полным отсутствием цивилизации. Дедушка включил диск Михаила Круга, бабушка ерзала на переднем сиденье, пытаясь устроиться поудобнее, а я, предвкушая чудесное лето, смотрела в окно, подпевая: «Владимирский централ, ветер северный...».

Лето не просто мое любимое время года. Это вообще любимое время моей жизни! Я хандрю осенью, ненавижу зиму и зачеркивала в календаре весенние дни, ожидая наступления лета. Даже мой день рождения – пятнадцатое июля – находился в самом сердце солнечного, жаркого времени года.

Спустя десять часов пути мы на одеревеневших ногах вышли из машины. Наша деревня делилась на две части, их называли «левая сторона» и «правая сторона». Отчего-то обе стороны всегда между собой соперничали, хотя почти все их обитатели были в близком или дальнем родстве друг с другом. Мне, можно сказать, повезло, потому что у нас здесь было два дома. Один на левой стороне, второй – на правой, к нему-то мы и подъехали. Это был дом прабабушки Люси, матери моего деда Вити.

Построенный в девятнадцатом веке побеленный штукатуркой одноэтажный дом был уютным и вместительным. Прямо от его стены тянулся высокий глухой деревянный забор, отгораживавший от посторонних глаз наш сад и, конечно, туалет – глубокую яму, в которую страшно упасть, но еще страшнее там однажды задохнуться. В саду также располагались сарай и погреб, где хранились вкуснейшие закрутки, старые велосипеды, метлы, лопаты и прочая хозяйственная утварь.

Перед домом, прямо у крыльца, цвели розовые и белые пионы – гордость прабабушки. Дед припарковал у забора свою «ласточку» – она же белая «Лада четверка» – и постучал в массивную деревянную дверь дома. Баба Люся выскочила и принялась всех по очереди целовать. Вернее, нас с дедом. Бабушку Надю, свою невестку, она недолюбливала. Это было взаимно. Бабе Люсе исполнилось восемьдесят пять, а она была все так же шустра и ловка. Пригласив нас за стол, она выставила не меньше десяти тарелок с различными блюдами. Когда и как она успела их приготовить, ума не приложу, и все они были невероятно аппетитны, а аромат соленых огурцов и помидоров вообще сводил меня с ума.

– Аглайка, да как же ты выросла! Невеста! – охала баба Люся, наливая чай из самовара. Лет ему было больше, чем бабе Люсе.

Мы не виделись с прабабушкой два года. Прошлым летом у мамы и дедушки совпал отпуск, потому я провела его сначала на море, а потом в лагере. Честно говоря, если бы мне предложили выбор – море или деревня, я бы не раздумывая выбрала деревню. Для меня наш уединенный уголок в Курской области был лучшим местом на земле. Бабушка Надя убежала к своей подруге, соседке, а мы с дедушкой уплетали угощения. Прабабушка стояла в углу и улыбалась, глядя на нас.

– Добавки? – спросила она.

– Нет, спасибо, – хором ответили мы с дедушкой.

Какое облегчение, что бабушка Надя сбежала к соседке. Если бы осталась, они с прабабушкой наверняка бы спорили и обменивались ядовитыми фразами.

– Аглая, мы с бабушкой поедим на другую сторону. Если хочешь, можешь остаться у прабабушки, – сообщил дед, хрустя огурчиком. – Ты с подружками встретишься?

– Да, мы уже договорились, – кивнула я, выходя из-за стола. – Бабуля, спасибо, было очень вкусно!

Баба Люся и дедушка принялись обсуждать соседей и все деревенские новости. Я прошла в главную комнату. Всего комнат было две, если вторую вообще можно было воспринимать в качестве спальни. Там была лишь печь и раскладушка, вместо двери – занавеска. В главной же комнате стояло три кровати, стол, покрытый вычурной скатертью, шифоньер и стул. Конечно, имелся угол с иконами, а над постелью прабабушки висел портрет Есенина, которого в детстве я считала нашим почившим родственником. Кивнув Сергею в знак приветствия, я подошла к столу, над которым висело старинное зеркало в толстой металлической раме. Прямо под ним стоял портрет дедушки в юные лета – голубоглазый брюнет с густой шевелюрой строго смотрел с фотокарточки.

Глядя в зеркало, я поправила свои пепельно-русые волосы длиной чуть ниже плеч. Глаза покраснели от долгой дороги и раннего подъема. Губы потрескались от сухой жары. В деревне незачем было краситься и уж тем более наряжаться. На всю округу был один клуб, а поход туда считался праздником, ради которого можно было привести себя в порядок.

Захватив рюкзак с лимонадом, телефоном и влажными салфетками, я пошла на условленное место встречи с девчонками. Еще в городе я позвонила подругам, и мы договорились, что они будут ждать меня в вагоне заброшенного поезда. Да, странноватые координаты. Дело в том, что прямо перед домом Милены стояла невесть как туда попавшая мотодрезина со «штурвалом» управления – я не знала точно, как называть эту штуковину, – с прицепленным к ней обычным товарным вагоном. Несколько лет назад между нами велась ожесточенная борьба за место у «штурвала», мы воображали себя машинистами. Те, кому не повезло оказаться в числе первых, изображали стук колес.

Миленин дом располагался через дорогу от нашего, в самом конце правой стороны. Я выбежала из дома в своем потрепанном джинсовом комбинезоне и побежала вприпрыжку, предвкушая встречу с подругами. Соседи, возившиеся в картофельном поле, приветствовали меня взмахом лопат.

– Здравствуйте, тетя Нюра и баба Валя! Добрый день, дед Максим! – кричала я, стараясь как можно быстрее добраться до девочек и избежать участи быть расхваленной и опрошенной.

Пыль фонтанчиками вздымалась из-под ног, пока я шлепала кроссовками по извилистым дорожкам. Уже издали я увидела на дрезине милых моих девчонок. Аня и Милена махали мне из-за «штурвала». Я замахала в ответ и ускорила темп.

– Гайка, привет!

Анька выскочила и чуть не задушила меня в объятиях.

– Привет! Вы давно приехали?

– Я десятого, Анька вчера, – ответила Милена.

Милена не очень любила прикосновения и объятия, поэтому я аккуратно клюнула ее в щеку. Она посмотрела на меня своими добрыми карими глазами и широко улыбнулась. Милена была смугловатой – гены отца грузина. Однако все семейство Милены носило фамилию матери, даже отец стал Грачевским, чтобы лишний раз не испытывать хлопот с документами. Черные волосы она, как обычно, остригла под каре. Носик у Милены был маленький и аккуратный, хотя с первого взгляда становилось ясно, что в девчонке течет грузинская кровь. Анька же была белокожей, с длинными золотистыми волосами. Синие, широко распахнутые, близко посаженные глаза лучились радостью, а пухлые крупные губы изогнулись в улыбке. На солнце ее молочно-белая кожа не загорала, а только краснела. Мы были знакомы с раннего детства, да еще и родились в один год! Родители наши тоже дружили, особенно моя мама с матерью Ани. Баба Надя же была лучшей подружкой Милениной бабушки – Светланы Вадимовны.

Подруги были для меня самыми близкими и дорогими людьми на планете! Мы даже жили в одном городе, Москве! Вот только в разных, отдаленных друг от друга районах, поэтому

учились в разных школах и в городе виделись очень редко. Мама только в прошлом году начала отпускать меня на прогулки дальше нашей станции метро.

– Скоро подтянутся Вовка с Дроном, – сообщила Милена.

– Я что, позже всех приехала? – удивилась я.

– По-моему, Вован приехал, как только учеба закончилась. Еще в мае, – добавила Аня. – Ну, рассказывай, как дела?

Рассказывать было особо нечего. Я действительно жила одним лишь летом, а в школе превращалась в робота, который автоматически заучивал предметы и записывал задания. У меня не было друзей среди одноклассников или ребят во дворе, я бродила тенью, ежедневно переписываясь то в «аське», то «ВКонтакте» с девочками, Вовой и Андреем. Эти двое входили в состав нашей деревенской банды.

Когда нам было по шесть, мы проявляли себя как юные натуралисты. Мне особенно нравилось играть с лягушатами, парням – лазать по деревьям (хотя это они и сейчас могли), Анька любила ухаживать за садом, а Миленка – за бесчисленным скотом. Мы играли во всех канавах, убегали от злобных гусей тети Оли, плавали в речке, играли в товарном вагоне в настольные игры собственного производства, воровали яблоки и ежевику... в общем, проводили детство на ура.

Вернувшись сюда пятнадцатилетней, я вдруг осознала, как сильно мы повзрослели. Ни у кого больше не было желания играть в пруду с лягушачьей икрой, бегать в догонялки, делать куколок из цветущих в каждом саду мальв и стеблей одуванчиков. У меня зародилось предчувствие, что волшебство деревни, детства постепенно угасало.

– Вот, сдала экзамены, пойду в биохимический класс, – ответила в итоге я. – А вы что выбрали?

– Гуманитарий! – хором ответили девочки.

– Я мечтаю свалить из дома, – сказала Милена. – Сил уже нет. Как вам повезло, девочки, быть единственными в семье.

У Миленки были старший брат и три младших сестры.

– Даже не знаю, что хуже, вечно пьяный папаша или сестры, – вздохнула Аня.

– Что, опять в запое? – с сочувствием спросила я.

– Ага. Ладно, не будем о грустном. О, кажется, парни идут!

Мы с Миленой обернулись в сторону дороги. Действительно, Вовка и Андрей шли к нам, широко улыбаясь.

– Наперегонки до Вшивки? – крикнул Андрей.

Вшивка – местная речка с говорящим названием. После одного заплыва в ней маме пришлось обкорнать мне волосы, чтобы вытравить гнид.

Вместо ответа мы с девчонками сорвались с места и понеслись, вздымая пыль и песок. Бежали мы как угорелые, не отставая от парней. Проносились мимо до боли знакомых домов, попутно срывая незрелую вишню. Анька немного отстала, и слава богу: эта девчонка после лета в деревне неизменно возвращалась в город хотя бы с одним переломом или в лучшем случае растяжением. На Вшивке находилась и плотина, соединявшая стороны. Кстати, Аня и Вова жили на левой стороне, а Андрей и Милена – на правой. Я первая прыгнула на горячий от солнца песок, взмахнув руками и демонстрируя свою победу.

– Опять ты нас сделала, Гайка! У тебя что, мотор между ног?! – возмутился Андрей.

– Лучше тебе не знать, что у меня между ног, если не хочешь, чтобы я тебя утопила прямо сейчас.

Гайкой меня звали из-за моего полного имени – Аглая. Я не до конца понимала происхождение этого прозвища, но свыклась.

– Злобная ты, Эссенцева! – нахмурился Андрей. – Купаться будем?

Я с недоверием взглянула на мутную воду, кишашую неприятными организмами, и отрицательно мотнула головой.

– Если купаться, то на Пасеке. Поехали завтра на велосипедах? – великодушно предложил Вован.

– Давайте! – согласились мы с девочками.

– А сейчас чем займемся? – спросила Милена.

И мы все вдруг стихли. Снова в воздухе витало ощущение потерянного детства.

– Я могу вас на тракторе покатасть! – наконец предложил Андрей.

– Вот так развлекуха... – протянула я.

– Зато Миленка обожает тракторы, верно? Помнишь, как ты упрашивала меня, чтобы я уговорил отца нас на нем прокатить?

– Умолкни... – буркнула Милена.

– С каких пор отец доверяет тебе руль? – засомневалась Аня.

– Вообще-то осенью мне будет восемнадцать, к тому же батя учил меня водить его чуть ли не с одиннадцати лет. Разбуди меня во сне, и я опишу тебе точные...

– Ладно, убедил. Поехали, – прервала я инструктаж по пользованию трактором.

Глава 2

21 июня, правая сторона

После поездки на тракторе тело неистово ныло, я осталась ночевать у прабабушки, и она, как и раньше, продекламировала мне на ночь стихотворение Пушкина «Утопленник». Оно и в детстве мне казалось жутким, а теперь я и вовсе не могла уснуть потому, что мне слышались стуки в окна и дверь. После стихотворения в программу прабабушки входила молитва «Отче наш» и только потом крепкий сон с громким храпом.

Мы с Миленой и Андреем договорились встретиться у колонки в десять утра, чтобы потом дойти до плотины, где нас должны были ждать Аня и Вова. Позавтракав тостами, я надела купальник и с ужасом обнаружила, насколько у меня выросла грудь. Я не меняла свой деревенский купальник с одиннадцати лет! Вот тебе и еще ужасы взросления... Быстро натянув легкое салатное платье, я вышла из дома и села на велосипед.

– Внученька, ты сегодня у меня? – спросила прабабушка, которая с пяти утра была на ногах и занималась курами.

– Нет, бабуль, сегодня буду на той стороне. Там все мои вещи, да и бабушка с дедом наверняка волнуются.

– Хорошо. Иди, гуляй, – кивнула баба Люся.

Миленка и Андрей кидались друг в друга репейником, и, чтобы не пасть жертвой дикой липучки, я заявила о своем прибытии издалека.

– Эй!

– О, Гайка! Мы уже заждались!

– Гайка! Гуси! – завопила Миленка.

Я обернулась и увидела жуткие пасти на коротких ножках, бегущие в моем направлении. Я закрутила педалями, ребята запрыгнули на своих металлических коней, и мы помчались в сторону плотины. Свиристые птицы, гогоча, преследовали нас не меньше километра!

– Жуть, это не гуси, это демоны! – возмутилась я, когда нам удалось оторваться.

– Все в хозяйку. У нее и коровы злобные. Коровы! – взмахнула руками Миленка.

– Тетя Оля – воплощение зла. Чего ожидать от бедных зверюшек? – встрял Андрей.

И он был прав. К нашим выходкам почти все деревенские относились снисходительно, но от тети Оли мы неоднократно огребали палками.

– Ну, наконец-то! – топнула ногой Аня, как только мы объявились на плотине.

– Поехали! – махнул рукой Вова.

До Пасеки на велосипедах не меньше часа езды, мы взяли с собой перекус на случай, если сильно задержимся. Обычно из воды нас вытащить было тяжело. Мы могли до посинения беситься, топить и подкидывать друг друга. Один из плюсов наличия парней в компании – они всегда подбрасывают выше, чем девчонки.

На Пасеке было полно народа. Место это чудесное: сплошной песок и чистая, глубокая речка с песчаным дном. У берега организовали волейбольную сетку, а на занятых «местах» лежали расстеленные полотенца и сумки. Мы с ребятами оставили велосипеды на траве и пошли к песку. Лежать мы не собирались, место нам не требовалось, так что, сбросив с себя легкие платья, мы с девочками взяли за руки и бесстрашно вошли в речную воду.

– Какая теплая, рай! – вздохнула Аня.

– Может, с тарзанки прыгнем? – предложил Вова, подходя к нам вместе с Андреем.

Ребята сбросили футболки и щеголяли накачанными торсами.

– Слушай, Андрей, ты так на протеин не налегай, у тебя скоро кожа от мышц лопнет, – заметила я, разглядывая друга.

– Эссенцева, мерси за комплимент, – шутливо поклонился он.

– Жаль, роже твоей протеин не поможет, – высказалась Милена.

Андрей коварно усмехнулся и погрузился в воду. Через секунду послышался Миленин крик – этот подлец схватил ее за ноги и потащил ко дну. Мы с Вованом смеялись как сумасшедшие. Вова, кстати, был очень симпатичным малым. Синеглазый, загорелый шатен с крупным носом и четко очерченными губами. Жилистый, высокий, а главное, очень добрый. Андрей же похож на машину-убийцу. За два года, что мы не виделись, он сильно накачался и привел себя в форму. А «рожа» у него была довольно милая, обрамленная темными кудрями. Миленка к нему всегда придиралась, но в силу своего характера не могла признать, что влюблена в него с прошлого лета, поэтому мы с Аней тайком занимались их сводничеством, чтобы не получить от Милены.

– Тебе крышка, Кулаков! – бурлила нахлебавшаяся воды Милена. – Смешно вам, гадюки?!

Эта вредная грузинка схватила нас с Вовой за макушки и окунула с головой. Я чудом успела вдохнуть. Вынырнув, мы с Вовой снова заржали как кони. Во избежание очередной атаки я оттолкнулась от дна и поплыла к середине реки, наслаждаясь лучами солнца, переливающимися на поверхности воды. Издалека слышалась гневная тирада Милены, которая продолжала воевать с Андреем.

– Когда она уже признает, что он ей симпатичен? – подплыла Воронцова.

– Милена? Никогда, – хмыкнула я. – Как у тебя с твоим Костиком дела?

– Ты когда его так называешь, даже мне противно становится, – поморщилась Анька. – Все хорошо, он в следующем году уже окончит школу, тогда-то и посмотрим, насколько крепки наши отношения. А ты когда соизволишь влюбиться?

– Воронцова, я и любовь – антонимы, – фыркнула я и поплыла в сторону ребят. – Кажется, плывут к тарзанке!

Анька кивнула и взяла курс направо. Я немного отстала. Подруга заставила меня задуматься. Я не заводила отношений не только потому, что не верила в любовь, но и потому, что за мной бдели дедушка и бабушка. Отношения до восемнадцати лет для дедушки – табу. Боюсь, если бы он случайно заметил меня целующейся, то посадил бы под замок. Семья у меня была консервативная, я могла получить ремня, даже просто повысив голос. Год назад хватка старшего поколения ослабла, и мне позволили гулять до девяти часов вечера, в то время как мои одноклассницы могли гулять чуть ли не до полуночи. Вообще, мои одноклассницы успели перепробовать в этой жизни все, о чем мне оставалось только мечтать.

– Гайка, ты там что, утонула?! – крикнул Вован.

– Сейчас ты утонешь, Васильев! – ответила я.

Андрей уже забрался на тарзанку. Милена его как следует раскачала, и он с радостными воплями прыгнул в воду. Затем каждый из нас прыгнул раз по десять, после чего мы вернулись на пляж.

– Бо-о-оже, у кого с собой святая вода? Мне нужно срочно окропить глаза после такого зрелища, – пробурчала Милена.

Проследив за ее взглядом, я заметила у наших велосипедов две машины. Иномарки, в моделях я не разбиралась. Двери у обеих были нараспашку, из салона орала музыка. Надо признать, песня мне нравилась – «My Humps» группы The Black Eyed Peas. Но потом я увидела то же, что и Милена, – наших заклятых врагов. Ульяна и Кристина трясли задницами рядом с парнями, которым, видимо, и принадлежали автомобили. У нас с этими швабрами была война длиною в жизнь.

– Ну и мерзость, – заключила Аня.

Швабры тоже нас заметили и, конечно же, смерили взглядами. Надо отдать им должное, хотя мы и были ровесницами, Ульяна и Кристина выглядели на все девятнадцать. Даже на

пляж разукрасились. Тонна штукатурки. Кристина, голубоглазая брюнетка со сногшибательной фигурой – тростинка с объемными формами. Ульяна, блондинка с ногами от ушей, могла похвастаться ровным тонким носиком и здоровенными губищами. Мне такие пельмени не по нраву, так что я никогда ей не завидовала.

– Что за парней они окрутили на этот раз? – спросила я.

– Кажется, наших местных мажоров. Вон Кузнецов, Женька Черный и Добрыдень, – перечислял Вова. – А это что за хрен?

Я присмотрелась и замерла. Хрен-то оказался мне знаком! Это был тот самый парень, которого я спасла на обрыве! Повзрослел он, конечно, за два года, но ума, наверное, не прибавилось.

– Ты его раньше не видел?! – поинтересовалась я у Вовы.

– Я видел, – отозвался Андрей. – Это Олег Красильников, но все зовут его Аликом.

– Мне это ни о чем не говорит... – буркнула я. – Стоп. Красильников? Откуда у нас Красильниковы?

– Кажется, это пасынок Титова, – объяснил Андрей. – Надменный тип.

– Что верно, то верно, – уверенно кивнула я.

Черный, Кузнецов, Добрыдень и Красильников тоже обернулись на нас. Я встретила взглядом с Аликом. Он скрестил руки на груди, пристально разглядывая меня с головы до ног. Я вдруг вспомнила, что стою в купальнике и что грудь у меня теперь внушительная. Стало не по себе, и я хлопнула пацанов по спине.

– Ну что, сыграем в русский твистер? – выдавила улыбку я.

Хотелось отойти как можно дальше от этого прогнившего общества.

– Давайте! – хлопнул в ладоши Вован. – Так, чур я между Гайкой и Аней.

Вован, похоже, тоже мечтал сосватать Милену с Андрюхой. Как я это заподозрила? Сейчас объясню вам правила придуманной нами игры. Итак, игроки встают по кругу, можно взяться за руки сразу, так как в дальнейшем без этого не обойтись. Задача заключается в том, чтобы коснуться своей ногой ноги игрока, стоящего справа. И так ход за ходом. Поверьте, все не так просто, как кажется. Под конец игры вместо круга образуется человеческая многоножка из невероятно изогнутых тел. Побеждает тот, кто выстоит и не упадет.

– Вов, ты только Аньку придерживай, а то она опять себе что-нибудь свернет, – попросила я.

– Ой, да ну вас! У меня кости хрупкие!

– У тебя вместо костей зубочистки, – поддел ее Андрей.

– И вы меня с этим придурком опять в пару ставите? – закатила глаза Милена.

– Детка, зато я не дам тебе упасть, а значит, мы выиграем.

Милена скорчила гримасу, раздув ноздри и поджав губы, и мы с Вованом опять заржали во весь голос.

– Заткнитесь и вставайте! – скомандовала Анька.

Мы послушно выстроились, взяли за руки и начали игру. Вот смеху было! Уже через пять ходов Вован всей своей тушей лежал на моей спине, а я чуть ли не на шпагате тянулась к ноге Милены. Все эти выкрутасы мы проделывали под классный трек «Smack That», доносившийся из машин мажоров.

Первой сдалась Воронцова. Анька, явно ощутив, что вот-вот прогнется под Андрюхой, выбыла из игры, не дотянувшись до Вовиной ноги. Следом пал Вова, затем я. Андрей-таки сдержал свое обещание, и Милена осталась победительницей. Мы с Вованом хихикали, когда я ощутила затылком чье-то дыхание. Рефлекторно обернувшись, я чуть не грохнулась – Вован вовремя подхватил меня.

– Что это было? – спросил не кто иной, как Алик Красильников.

– Русский твистер, – хмыкнул Вова.

Оказывается, вместе с Аликом подошли Степа, Женя и две швабры.

– Степочка, – противным голосом заговорила Ульяна, – пойдем купаться! Дался вам этот сброд!

– Да у вас на большее, чем бултыхание в речке, интеллекта не хватит, – высказалась я. – Пошли, ребят.

– Стой! – повелительным тоном скомандовал Алик.

Я изумленно выпучила глаза. Это он мне?! Стой?

– Мы тоже хотим сыграть, – сказал Степа.

Степка хотя и мажор, но всегда был нормальным парнем. Пару раз даже выручал меня: когда я провалилась в яму возле его дома, вытащил меня и помог отмыться водой из колонки. А во второй раз починил цепь велосипеда, когда я застряла на окраине деревни. Женя, Миша и этот обнаглевший Алик вызывали у меня беспокойство. Степин же отец был в хороших отношениях с моим дедом, и я знала наверняка, что этот мажорик, даже если очень захочет, не сможет мне нагадить, в отличие от других.

– Играйте, мы-то тут при чем? – встряла Милена.

– Что за выскочка? – как бы невзначай поинтересовался Красильников.

Ух, двинуть бы ему!

– Выскочка здесь только одна, и это ты. Дадите вы нам спокойно поиграть или нет? Ваша госпожа Пельмень купаться желает!

Ульяна ахнула и сжала кулаки. Уголки губ у Алика едва дрогнули.

– Да ладно тебе, Гайка, чем больше народу, тем интереснее! Вы тут так корячились, что и нам захотелось в этом цирке уродов поучаствовать, – попросил Степан.

– Он прав, девочки, чем больше народу, тем сложнее игра! – потер руки Андрей.

– Только правила расскажите, – попросил Миша.

Миша Добрыдень был похож на медведя. Сутулые широченные плечи, чрезмерно волосяное тело и черные как смоль волосы. До этого момента мы с ним, пожалуй, переговаривались от силы раза три. Вова быстренько посвятил ребят в игру.

– Я в этом не участвую, – взмахнула руками Ульяна.

– Тебя никто и не просит, – осадил ее Красильников.

Надо же, я думала, он этим швабрам дифирамбы поет. Им все парни деревни поклонялись. Ульяна немного поразмыслила, отошла с Кристиной в сторонку, и когда они друг с другом нашептались, то все же согласились участвовать в игре.

Итак, самая жуть началась во время расстановки. Андрей традиционно встал рядом с Миленой, но слева от нее вклинился медведь-Михаил. Я тут же встала между Аней и Вовой, за что получила гневные взгляды, но что поделать, я не хотела брать за руки этих одноклеточных. Мы встали так: Вова, я, Аня, Алик, Кристина, Миша, Милена, Андрей, Ульяна, Степан, Женя. То есть ход начинал Вова. Он должен был коснуться моей ноги, затем я ноги Воронцовой, и так далее.

– Во что вы меня втянули... – хрипел чуть позже Миша Добрыдень, изгибаясь под Кристиной.

Как ни странно, хохотали мы безудержно. Я и подумать не могла, что мажоры умеют смеяться, да так искренне. Игра мне нравилась до тех пор, пока я не переплелась с Красильниковым. Так уж вышло, что мои плечи легли на его колени. Не спрашивайте как, просто сыграйте, и поймете. К этому моменту из игры выбыли Ульяна, Кристина, Вова и Степан. Битва шла не на жизнь, а на смерть, мы изгибались как могли. И этот мерзавец Красильников, чтоб его вывернуло, как-то глумливо мне улыбнулся и дернул коленом. Я рухнула, распластавшись в ногах игроков.

– Ауч!

– Упс, – пожал плечами Красильников.

– Сволочь! – зарычала я и впилась зубами в его икру.

Конструкция тел и без того была хилой, Алик дернулся от боли и рухнул вместе со мной.

– Ах ты, мелкая зараза!

Он вскочил, но я оказалась шустрее и побежала к тарзанке. Я слышала топот его ног, этот придурок зачем-то погнался за мной. Что есть сил я оттолкнулась от земли и полетела в речку. Плыла и злорадно хихикала себе под нос, уверенная, что «сделала» Красильникова, пока чьи-то лапы не схватили меня за лодыжку.

– А-а-а! – вскрикнула я и ушла под воду.

Чертыхаясь, я двинула ногой в твердый пресс этого гада, проплыла немного и вынырнула почти у берега.

– Если ты не забыл, я тебе жизнь спасла, козел! – крикнула я, добравшись до песка.

– Чего? Я тебя впервые вижу.

– Ага, позапрошлым летом, у обрыва. Ты еще плакал: «Помогите, спасите!».

Я изобразила нюни и показала ему средний палец.

– Нарываешься, мелкая...

– Страшно! Очень страшно!

Алик направился в мою сторону, а я дала деру и втиснулась между Вовой и Андрюхой. Перевела дыхание и оглянулась – Алик гнаться за мной не стал, только сверлил взглядом, стоя рядом со своими друзьями.

– Возвращаемся? – спросила Милена.

– Ага. Стоп, а где Воронцова? – спохватилась я, оглядываясь по сторонам.

И тут мы все услышали истошный вопль. Картина вышла живописная: Воронцова так закрутила тарзанку, что теперь ее вертело, точно на аттракционе, а под конец она не выдержала и плюхнулась в воду, предварительно ударившись ногой о пирс.

– Только не это... – простонала я.

Мы ринулись ей на помощь.

– Зачем она без нас поперлась?! – вздохнул Вован.

– Кажется, это рекорд. Травма в первую неделю пребывания! – рассмеялся Андрей.

Нам с Миленкой было не до смеха. Анька все же всплыла, и мы помогли ей выбраться на берег, напрочь забыв о мажорах, которые кружили рядом и громко гоготали.

– Нога, нога! – хныкала Анька.

– Господи, Воронцова, да как же тебя угораздило! – ругалась Милена.

– Помолчите, – попросила я и присела поближе к Ане.

Осмотрев левую ногу подруги, я сделала вывод, что перелома нет. Вероятно, сильный ушиб или растяжение в области щиколотки.

– Везем ее к бабке Тане? – спросил Вова, подняв Аню на руки.

– Нет! Не вздумайте! Мама меня убьет, недели не прошло...

– И что ты предлагаешь?! – сурово спросила Милена. – Ты даже до дома не доковыляешь!

– А... может, к Прасковье?

– К Ведьме?! – в один голос закричали мы с ребятами.

– Пожалуйста, только не к бабке Тане, я не вынесу этого нравоучительного монолога, и мама угрожала запереть меня дома, если я опять покалечусь! – хныкала Анька на руках у Вовы.

– Черт с тобой, Воронцова. Идем к Прасковье, – согласилась я.

Было страшно идти в гости к женщине, которую местные жители считали ведьмой, и все же я представляла, какую взбучку и шумиху устроит Анькина мама. Конечно, у нее уже сил не было возиться с этой постоянной клиенткой травмпунктов. А Воронцова нам еще была нужна.

– Тебя из дома можно выпускать только в наколенниках, нарукавниках и шлеме, – буркнула Миленка.

– Мы с вами не пойдем, девчат. Ведьма парней не жалует, – крикнул Вован, стараясь удержать Аню.

– Главное, дотаци ее до моего велосипеда, пусть сядет на раму, – попросила я.

Глава 3

Вечером того же дня, Ведьмин лог

С горем пополам мы доехали до Ведьминого лога. Он находился немногим дальше плотины, разделявшей деревню на две стороны. Место это было мрачное и жуткое, под стать владельце. Деревянный дом Прасковьи стоял у леса, подгнившие почерневшие бревна стен увидал плющ, а прямо над колодцем нависла ива. Здесь всегда стояла кладбищенская тишина, даже птицы надолго не засиживались. Как только мы спешились с велосипедов, стая воронов зловеще закаркала и взмыла, улетая прочь.

– Воронцова, вот же ж... – Милена выразилась не самым приличным образом.

– Знаю-знаю, девочки, честно говоря, нога уже и прошла... – пропищала Анька, с ужасом всматриваясь в темный одноэтажный дом.

– Нет уж, давай хотя бы мазь у нее попросим, чтобы наверняка, – решительно ответила я.

Мы медленными шажками приблизились к калитке. Переглянулись, чтобы решить, кто из нас рискнет ее отворить.

– Все с вами ясно, – фыркнула я и толкнула дверцу.

Металлическая конструкция издала оглушительный скрип, такой мощный, что пришлось зажать уши. Зубы свело.

– Бр-р... – передернуло Милену.

Терять было нечего, я подошла к двери и трижды по ней постучала. Внутри послышалось шарканье, затем дверь медленно, с таким же скрипом отворилась. На пороге никого не было. Я медленно, но все же сделала шаг вперед.

Дома у Ведьмы было холодно, как в склепе, да и запах стоял соответственный – затхлый и древний. Мы точно не знали, почему Прасковью прозвали Ведьмой и были ли тому реальные причины, но все деревенские обходили ее дом стороной. Бабушка Надя всего раз обращалась к ней – лет десять назад я сильно заболела, и ничто не сбивало мне температуру и не помогало избавиться от кашля. Прасковья дала ей одно из своих загадочных средств, и на следующий же день я была здорова как огурчик.

– Добрый вечер, Прасковья Павловна! – крикнула я, дергая за руку Милену.

Девочки ввалились в сенцы.

– Проходите, – прозвучал ледяной дребезжащий голос.

Мы осторожно ступали по дощатому полу, держась за руки. Анька прихрамывала и всхлипывала. Судя по голосу, Прасковья находилась в кухне. Мы еще не появились на пороге, как она произнесла:

– Аня, Милена и Аглая...

По коже пробежали мурашки. Может, она заметила нас из окна?

– Здравствуйте, Прасковья Павловна! – поприветствовала я.

Восьмидесятилетняя Ведьма в длинном черном платье сидела на стуле и смотрела вроде бы в нашу сторону, но словно сквозь нас. Взгляд ее был туманным и блуждающим. На один глаз она давно ослепла, незрячий белый зрачок выглядел жутковато. Старушка была крупной, кожа на лице и руках сморщилась и обвисла.

– Садитесь, – велела она. – Аня, подойди.

Аня испуганно посмотрела на нас и проковыляла к старушке.

– Ничего страшного с твоей ногой не случилось, – заявила Ведьма, которая, на секунду дочку, понятия не имела, зачем мы пришли.

При осмотре Прасковья безжалостно вертела стопой Ани, и та закусила кулак, чтобы не взвизгнуть. Мы с девочками приехали сюда в легких платьях поверх мокрых купальников, а в доме было так холодно, что зуб на зуб не попадал.

– Сейчас, – шепнула старушка и встала.

Поставив на газовую плиту чайник, она вышла из кухни. Мы сидели молча, подавая друг другу безмолвные знаки. После этой «беседы» я сделала вывод, что нам троим здесь одинаково не по себе. Шаркая, старушка вернулась в кухню. В руках она держала литровую банку, полную жидкости, по консистенции и цвету напоминавшей соплю.

– Сядь, – велела Ведьма Ане.

Когда Прасковья окунула два пальца в банку, раздался мерзкий «хлоп», и я еле сдержала рвотный позыв. Она нанесла мазь на щиколотку, а потом забинтовала ногу.

– Уже завтра не будет болеть, – сказала Ведьма в завершение.

– Спасибо вам огромное. Вы извините, что мы к вам так вломились, меня бы мама отругала... – произнесла Аня дрожащим голосом.

Внезапно на нас с Миленкой свалилось что-то теплое и пушистое. С испугу мы подпрыгнули на старом диване.

– Мамочки! – вскрикнула я.

– Эй, Паук, брысь! – прикрикнула Ведьма.

Немного успокоившись, я ощутила у себя на коленях мягкие лапки черного худощавого кота. Он замурчал и свернулся калачиком.

– Напугал, блин! – Милена глубоко дышала, держась за сердце.

– Ты ему понравилась, девочка. С Пауком такое редко случается, – слегка улыбнулась Ведьма.

Только я хотела встать и попрощаться, как засвистел чайник, извещая о том, что вскипел. Прасковья медленно поднялась, выключила плиту и достала четыре кружки, явно намекая на то, что мы приглашены за стол.

– Не откажетесь от кофе? – спросила она, не оборачиваясь.

– Конечно, – нехотя ответила я.

Анька перебралась к нам на диван и вклинилась по центру, выпрямив ногу.

– Кажется, уже намного меньше болит... – заметила она шепотом.

– Не сомневайся, к утру совсем пройдет. Держите.

Прасковья поставила перед нами чашки, села напротив и улыбнулась, шуря глаза. Она громко прихлебывала кофе и выжидающе смотрела, как пьем его мы. Замечу, что кофе был неплох и в него явно что-то было добавлено. Никакой горечи при отсутствии молока и даже сахара не ощущалось.

– Спасибо, – стукнула по столу кружкой Милена.

Прасковья схватила кружку, развернула ее к свету и начала разглядывать дно. Ведьмины причуды...

– Тиран в юбке. Продолжишь воротить нос, останешься одна. Вижу, матери твоей нужно обратиться к врачу с проблемой, что долго ее беспокоит. И еще... стоит быть осторожнее и внимательнее к своему окружению.

Милена смотрела на нее округлившимися, полными злобы глазами. Она не любила, когда кто-то совал нос в ее дела, и уж тем более когда чужие люди рассуждали о ее семье или характере.

– Это вам что, кофейная гуща рассказала? – съязвила она.

– И шалфей, – кивнула Прасковья.

– Как интересно.

Аня пихнула Милену в бок, чтобы та не выводила Ведьму из себя. Нам хотелось выйти отсюда живыми, без порчи и прочих проклятий. Следом за кружкой Милены в ход пошла Анина.

– Вижу обман, чую запах алкоголя. Страх, что будешь несчастна, как и мать. Мальчишка твой бегаёт за каждой юбкой, не открывай ему сердце. Совсем скоро найдется достойный. Он уже рядом.

– Что? Костя? Да быть того не может...

Ведьма фыркнула, но промолчала. Забрав мою кружку, она нахмурилась и повела бровями.

– Бедная девочка... все тебя обижают. И любовь тебя ждет болезненная, но такая сильная, какую редко встретишь. Стдания, одни стдания...

– Вот спасибо... – протянула я.

– В деревне происходит что-то нехорошее, – как бы невзначай продолжила Ведьма, убрав кружки. – Духи рассержены.

– Какие духи? – хрипло спросила Анька.

– Вы разве не знаете местных легенд? Никто не рассказывал вам о девушке, утонувшей во Вшивке? А о маленькой Насте, которая погибла во время грозы?

– Конечно, мы о них слышали, – кивнула я.

По рассказам, призрак утонувшей девушки часто видели на берегу. Она плакала и просила спасти свою тонущую сестру, а тех, кто поддавался на просьбы, топила. Забирала их души. Знакомые с этой легендой дети и подростки (в том числе и я), гуляя в одиночестве, старались как можно быстрее пробежать мимо Вшивки или вовсе обойти ее.

Маленькая же Настя играла в прятки возле кладбища с другими детьми около тридцати лет назад. Она спряталась за электрический столб, а молнию метнуло прямо в него – девочка погибла на месте. С тех пор ее призрак, по словам деревенских, просил поиграть с ним в прятки, и если девочка находила своего соперника, то съедала живьем. Короче говоря, деревня наша наполнилась чудными рассказами.

– Что ж, Прасковья Павловна, спасибо вам большое! Мы пойдем, родители ругаться будут. – Анька оперлась на наши коленки и встала.

– И вот еще, не беспокойте Петра Ивановича. Вижу, очень скоро вам взбредет в голову его потревожить, – сказала, провожая нас, Ведьма. – Не хотелось бы слушать его завывания перед сном.

Кто такой этот Петр Иванович, мы понятия не имели, но на всякий случай пообещали его не тревожить. Добежав до велосипедов, мы быстренько расселись и покатали в сторону плотины.

– Жуть жуткая, вот что я вам скажу.

Анька дрожала от страха и холода, сидя на раме и держась за центр руля.

– Ничего жуткого, у старушенции поехала крыша от одиночества, – хмыкнула Миленка. – Вы на левую сторону?

– Ага.

– Когда встретимся? – спросила Миленка, притормаживая у плотины.

– Меня наверняка загрузят на несколько дней, – вздохнула я. – Если что, я через Аньку или Вовку с вами свяжусь.

– Я завтра тоже пас, маме надо помочь по хозяйству.

– А мне с детьми... – грустно сообщила Миленка. – Ладно, свидимся!

Мы с Анькой поехали на другую сторону. Вова великодушно согласился отвезти ее велосипед к себе, чтобы не оставлять матери Воронцовой, иначе та с ходу все поймет. Так что сначала я довезла Аньку, а потом себя. Услышанное в доме у Ведьмы мы не обсуждали и постарались забыть как страшный сон.

Глава 4

28 июня, левая сторона

Неделя выдалась тяжелой. На следующий день после нашей поездки на Пасеку я узнала от бабушки, что к нам едут родственники. Причем *все* родственники, как со стороны деда, так и бабушки. Мы, кажется, сутки неотрывно готовили. И когда приехали долгожданные гости, мне пришлось три дня их везде сопровождать, отвечать на раздражающие вопросы, улыбаться и смеяться над шутками о моих несуществующих женихах, да еще и спать табуном в одной комнате.

Мне и дяде Феде выделили раскладушки, так что мы спали с ним прямо в центре большой комнаты. Лет с двенадцати я стала называть его просто Федей, тем более что старше меня он был всего на десять лет. Федя всю жизнь был моим спасителем и лучшим другом. Он показал мне первый ужастик, после которого я не спала двое суток, таскал меня на спине, научил вылавливать червей из навозных куч и рыбачить, катал на надувной лодке и вообще делал все, о чем бы я ни попросила. Он и его мать, бабушкина сестра, всегда с радостью ждали меня в гости, и только к ним я ездила с удовольствием.

Федя и в этот раз помогал мне не сойти с ума и не откинуться из-за стресса, вызванного толпой родственников. Меня воспитали так, что я не имела права перечить старшим ни в чем и никогда, грубо говоря, была человеком без мнения, рабом обстоятельств. Семьи моих подруг всегда поражались моей необычайной скромности и вежливости, а я и не умела вести себя по-другому, и, когда друзья позволяли себе какую-то вольность при родителях или когда родители соглашались с их мнением, у меня глаза на лоб лезли. В моем подсознании сформировалась установка: если ты ребенок, значит, мнение твое все равно что пятая лапа у собаки – бесполезное явление.

Поскольку в семье ко мне не прислушивались и не позволяли принимать самостоятельных решений, мне казалось, что я запуталась в себе. Кто я и чего хочу? Каковы мои чувства на самом деле? Кем я хочу стать? Я не знала. Знала лишь, что по настоянию бабушки мне следует идти в медицинский, а хочу я этого или нет, не имело значения. С каждым годом я становилась все самостоятельнее и независимее, внутри у меня назревала буря, сдерживать которую становилось все труднее. Я дожидалась совершеннолетия, чтобы с чистой душой продемонстрировать семье, что тоже имею право на личное мнение. Что моя жизнь – *моя* и решения в ней принимать *мне*. А пока я оставалась робким забитым подростком, который все же иногда нарушал правила и пускался в авантюры.

– Аля, пойдем за земляничкой? – предложил Федя, который решил остаться у нас еще на неделю.

Мы обитали на левой стороне, так как Федя был бабушкиным племянником. Дом покойной прабабушки Жени был построен из шлакоблоков, но с деревянным крыльцом. Цоколь был выкрашен белым, а стены – голубым. Крышу дед взялся перекладывать новой серой черепицей и возился наверху, пока мы с Федей искали корзины для ягод. Участок здесь был огромным: прямо за домом начинался обширный яблоневый сад с кустами малины и ежевики, который постепенно переходил в лес и заканчивался у пруда, по которому мы часто переплывали на ту сторону деревни. Лет в пять-шесть я не раз терялась в нашем саду, встречала там лис, а у пруда – цапель.

– Что-то подружки к тебе давно не заходили, – невзначай бросил Федя, закрывая деревянную калитку.

– Их тоже запрягли. Завтра должны встретиться, – ответила я неохотно. Жуть как вымоталась за эту неделю, даже языком было лень шевелить.

Узкая тропа от забора вела к заброшенным хлевам, где когда-то прабабушка держала скотину, и сразу за ними расстился зеленый луг. Бесконечное поле. Сказочное место, где на кочке можно было поймать сигнал телефонной сети.

– Через наше поле? – уточнила я.

Федя кивнул, и мы вышли на ярко-зеленый луг. Шпарило солнце, жужжали пчелы, слабый ветерок доносил ароматы цветов. Через час обе корзины наполовину наполнились вкуснейшими ягодками, а на моей непокрытой голове впору было жарить яичницу.

– Это Титов? – спросил Федя.

Я чуть не выронила корзину. К нам приближались два коня, а на них восседали Игорь Титов и его пасынок, Алик Красильников. Супер.

– Эй, Игорь! – свистнул Федя.

Как бы я ни любила своего дядюшку, в это мгновение мне хотелось его придушить.

– Пойдем на другую поляну, пока они нас не...

– Гайка, да что с тобой, я Игоря сто лет не видел! – хлопнул меня по плечу дядя и побежал навстречу коням.

Наездники спешили, Игорь сердечно поздоровался с Федей, а я закатила глаза, увидев Алика.

– Неужели это Аглая?! – с театральным удивлением ахнул Игорь Владимирович и поспешил ко мне. – Как же выросла наша малышка! А до чего красива!

– Здравствуй, Игорь Владимирович! – широко улыбнулась я, принимая объятия.

– Сколько тебе уже лет, девочка? – еще шире улыбнулся он.

– Через пару недель шестнадцать, – скромно ответила я.

Алик издал странный звук, похожий на хрюканье. Натуральная свинья.

– Погляди, Олег, какая красавица!

Видимо, родня звала его Олегом. Мне же тем временем захотелось провалиться сквозь землю.

– На мой взгляд, Элла куда привлекательнее... – заявил этот урод, поглаживая продолговатую мордочку своей золотистой кобылы.

Игорь Владимирович бросил на него негодующий взгляд и сменил тему.

– Мы вот своих лошадок выгуливаем. Аглая, помнишь, ты каталась на Уильяме позапрошлым летом?

– Было дело...

Господи, когда же этот разговор закончится и мы благополучно унесем ноги с поля? Я посмотрела на Федю, он с восторгом разглядывал лошадей. Размышляя, какой лучше подать ему сигнал бегства, я начала покашливать. Примерно на десятый раз Федя все же обратил на меня внимание.

– Гайка, ты в порядке? Подавилась?

Я нахмурилась и сдержала порыв хлопнуть себя рукой по лбу.

– А чего бы тебе не прокатиться сейчас? – предложил Титов.

– Я не...

– Да она свалится через метр, – хмыкнул Алик.

– Не имею ничего против, – тут же исправилась я и уверенным шагом устремилась к жеребцу.

– Федь, может, заглянешь пока ко мне?

– Конечно!

Чтобы Федя упустил возможность выпить дорогого виски? Ни за что. А мне теперь отдуваться. Предатель.

– Ты оставишь меня на растерзание этого придурка? – прошипела я, склонившись к Феде.

– Да ладно тебе, Гайка, неделю в заточении просидела, развейся!

Проклиная его про себя, я уселась в седло. С Федей мы еще поговорим. «Развейся!» Забыла сообщить об одном обстоятельстве: я совершенно не умела общаться с парнями. С друзьями – да, но все мои друзья когда-то были мальчишками, с которыми мы росли бок о бок. Мы, в конце концов, в возрасте пяти лет купались голышом во Вшивке! Конечно, мы были близки и друг для друга бесполой! За исключением Милены и Андрея...

– У тебя руки в уздечке запутались? – вернул меня в реальность голос Алика.

Хоть картину с него пиши. Алик вальяжно развалился в седле и с откровенной усмешкой разглядывал меня зелеными глазами. Золотистые крапинки в них сверкали, словно настоящий металл. Я фыркнула подобно кобыле и тряхнула уздечкой. Уильям слегка ускорил шаг.

– Значит, это твой дом? – спросил Алик, когда его лошадь поравнялась с моей.

– Да, один из, – ответила я.

– А второй?..

– На другой стороне.

– А я живу...

– Я знаю, где живет Игорь Владимирович, – прервала я.

– Ты напоминаешь мне крапиву, – вдруг выдал он.

– Определись все-таки, кобыла или крапива? – усмехнулась я.

– Как ты посмела оскорбить Эллу подобным сравнением?! – с трудом сдерживая смех, воскликнул он.

Меня было трудно задеть оскорблениями такого рода. Я ведь росла с Вовой и Андреем, а уж они как только меня не честили. Дома дед называл меня дерьмом всякий раз, когда я вела себя не по его инструкциям. Так что если этот полудурок намеревался меня обидеть – не вышло.

– Прошу прощения, Элла, – обратилась я к лошади. – Так почему крапива?

– Если до тебя дотронуться, ты обожжешь. Но в целом очень полезна, если уметь с тобой обращаться, – объяснил он.

– Какое умозаключение! Ни за что бы не догадалась, что тебе известны свойства крапивы.

Алик дернул уздечку, расстояние между нашими лошадьми сократилось, и я внезапно для себя растерялась и опустила взгляд.

– На что это ты намекаешь? – угрожающе спросил он.

– Да так, ни на что, – отмахнулась я. – Как тебе русский твистер?

– Дурацкая, но веселая игра. То, что нужно для компании, – уже мягче ответил он.

А голос у него был... низкий и звучал так, словно эхом отдавался от стен, как если бы мы говорили в погребе. Мне эта прогулка казалась жутко неловкой, и я нежно хлопнула ногами по бокам коня, чтобы он перешел на бег. Мы ненадолго оторвались от Алика.

Поле – мое самое любимое место. Оно представляется мне страной фей, нимф или секретным местом лепреконов – тем, где начинается радуга. Невысокая трава укрывала землю зеленым покрывалом, горизонт ровной полосой отделял поле от чистейшего голубого неба. Казалось, если устремиться за горизонт, можно переступить черту реального мира. Туда я и направила коня. Ветер развеивал мои пепельные волосы, а я наслаждалась прохладой, ненадолго спасавшей от палящего солнца.

– Я слышал, вы называете компанию Степы и Миши мажорами. Почему? – поинтересовался Алик.

– Не потому, что у них чуть больше денег. И не потому, что они живут в более роскошных домах.

Я говорила правду. У Вовы и Ани тоже были очень красивые современные дома со всеми благами цивилизации. Мы с Миленкой постоянно ходили к ним в гости, чтобы посмотреть скачанные на ноутбуки фильмы или поиграть в «денди». У меня же был лишь древний телевизор,

который время от времени показывал новостной канал, но в основном шипел, как змей. А еще радио, которое включалось только тогда, когда хотело. В основном в три-четыре часа ночи.

– Из-за их поведения, – продолжила я. – Они всегда считали себя крутыми только потому, что старше. У них первых появились права и машины. Наверняка для нас они тоже нашли прозвище.

– Нет, вы для них просто «мелкие».

– Неудивительно, – хмыкнула я. – Возраст не прибавил им извилин.

– Ты всегда такая вредная?

– Я же крапива, не забыл?

И тут к Алику подлетело несколько пчел. Он не успел мне ответить, так как начал судорожно от них отмахиваться и разогнал лошадь. Я же хохотала над этим зрелищем, пока Элла не совершила круг и он не вернулся ко мне.

– Смешно?! – взъелся он.

Я прикрыла рот рукой, а этот козел... со всей силы шлепнул Уильяма по крупу. Конь среагировал мгновенно, а вот я растерялась и чуть не грохнулась, в последний момент схватившись за поводья. Уильям встал на дыбы, чуть не скинув меня, потом вернулся в устойчивое положение и поскакал так быстро, что у меня не было возможности хоть как-то его уговорить, ни словами, ни поглаживаниями. Он понесся в чащу, граничившую с соседними домами. Мне было до смерти страшно, и я во все горло кричала проклятия в адрес придурка Красильникова! Руки вспотели, я теряла равновесие.

– Уильям, стой!

Бесполезно. Я была готова закрыть глаза и отдать себя на растерзание, потому что вот-вот свалюсь и если не умру, то переломаю кости. И все же гнев взял надо мной верх, я озиравшись по сторонам в поисках спасения и нашла его. Завидев на подходящей высоте крепкую длинную ветку, я мысленно прочла молитву, пригнулась, отпустила уздечку и ухватилась за нее. Конь галопом ускакал к соседям, а я с дрожащими от страха руками и кипящим адреналином осталась висеть на ветке. Почему-то мне не пришло в голову, что прыгать отсюда опасно, а навыки лазанья по деревьям я подрастеряла.

Послышался цокот копыт.

– Зависла?

– Придурок! – Я раскачалась и замахнулась ногой, но Алик увернулся. – Ты меня чуть не угробил!

– Что ж... я не хотел... – неискренне протянул он.

Он встал так, что Элла оказалась прямо у меня под ногами, и стоило отпустить руки, как я бы плюхнулась прямо позади него. Он что, думал, я сяду с ним на одну лошадь?!

– Ну же, прыгай. Наверняка руки устали.

– Черта с два! – прохрипела я.

Надо почаще злиться! Я буквально ощутила себя Халком и перебралась к стволу дерева, а затем попыталась осторожно сползти, заработав десятки заноз и царапин, и спрыгнула на землю.

– Ты просто идиот.

– Не стоит сыпать оскорблениями в мой адрес, – пригрозил он.

– Это не оскорбления, а истина!

Я в очередной раз показала ему неприличный жест и со всех ног побежала в сторону своего дома. У меня было преимущество – я знала в деревне каждый укромный уголок и лазейку. Алик же помимо того, что оставался на коне, мог заплутать. Уже через пять минут я, раскрасневшаяся и злая, стояла на крыльце своего дома.

– Урод, – процедила я, глядя на поле.

Глава 5

4 июля, село Сорокина Гора

Летом дни летят так, что не успеваешь опомниться. Вот и я так и не поняла, как же быстро могло пролететь пять суток. Все это время я ночевала на левой стороне с бабушкой и дедушкой и периодически занималась хозяйством. В день, когда полоумный Красильников чуть не угробил меня, я устроила взбучку Феде.

– Доволен?! Этот придурок чуть не убил меня! – ругалась я, пока мы набирали ведра воды у колонки.

Федя почему-то ржал.

– Будешь смеяться – я ночью вывалю на тебя кучу навоза с червями!

– Гайка, да чего ты хочешь от парня? Он, видимо, по-другому не умеет симпатию проявлять.

– Чего?! Ты разве не слышал, что по сравнению с его лошадю я страшилище? И вообще, стоит рассказать об этом инциденте дедушке, и Алику крышка.

– Как и тебе. Дед тебя из дома не выпустит, – убедительно изрек Федя.

– От тебя никакой поддержки. Ладно, расскажи хоть, чего стоили мои страдания...

– Ты о чем?

– Как ты ходил к Титову?

К слову, Титов был отцом той самой роскошной Кристины.

– А-а, отлично! Его новая жена, Регина, мать Олега, очень красивая женщина. Наверное, Олега она родила лет в шестнадцать, уж очень хорошо сохранилась. Мы пили виски, Игорь рассказывал о своих планах по постройке завода недалеко от деревни. Ты ведь знаешь, что у тех, кто здесь живет постоянно, мало источников дохода. Вот он и хочет открыть производство, тем самым предоставив рабочие места.

– Как благородно, – недовольно проворчала я, хотя людям в деревне и правда негде работать.

На следующий день мы с Миленой пошли к Аньке смотреть фильмы и просидели там до позднего вечера. Шел дождь, дороги размыло, и заняться было нечем, так что мы уютно устроились на диване, лежа вповалку, и пересмотрели все выпущенные части Гарри Поттера.

Каждый раз, уезжая в город, я вспоминала такие вечера. Ни с кем мне не было так комфортно, как с девчонками. Дома же у меня обстановка была совсем другая, временами даже невыносимая. Мой отец умер около шести лет назад, но, так как мы с ним почти не виделись, я не сильно горевала. Мама с отцом разошлись, еще когда мне было пять лет. Мы переехали в Москву и больше не встречались. На все мои вопросы об отце и причинах развода я не получила ни одного внятного ответа, сам отец, по всей видимости, не был заинтересован в общении со мной, так как никаких весточек до самой смерти я от него не получала. Однако мама его по-настоящему любила и долго страдала, пока не встретила дядю Леню. Ему пришлось жить с нами, и дедушка с бабушкой не давали им покоя. Они влезали в каждую ссору, вмешивались в их планы, бросали на Леню недовольные взгляды, и причины всех этих выпадов мне были непонятны. Просто бывают люди, которым нравится скандалить. Все равно как удовлетворять физическую потребность. Оставалось надеяться, что маме удастся переехать к Лене, чтобы хоть как-то наладить личную жизнь, пусть и без меня.

И все же смерть отца отразилась на мне, хотя я заметила это лишь пару лет спустя. Мне отчаянно не хватало отцовской заботы и ласки. Каждый раз, оканчивая четверть с отличием, я гадала, гордился бы мною отец? Выступая на праздниках в школе, я ловила взгляды чужих отцов и думала, хвалил бы папа мои выступления? Дарил бы мне цветы, покупал бы мороженое

в честь победы в конкурсе или просто так, без всякой причины? Как вообще ведут себя отцы? Все это было мне неизвестно, и, как бы я ни отшучивалась с друзьями, когда они с жалостливыми взглядами случайно упоминали о моем отце, что мне, мол, совершенно не больно, при слове «папа» из чужих уст у меня сковывало грудь.

На уроках музыки мы разучивали песню «Папа может...» – видимо, учительнице было плевать на то, что у половины класса отцов не было. Мы подпевали хором, и уже на припеве многие захлебывались слезами. Однажды мне даже пришлось без спроса выбежать из класса, настолько тяжело было петь эту песню.

Я не жалела себя, скорее завидовала тем, у кого был отец. Как-то раз Светка Бражникова пришла в школу заплаканная и разгневанная. Ходила весь день со сжатыми губами и сыпала оскорблениями в адрес родителей. Любопытство взяло верх, и я решила подслушать ее разговор с подружками.

– Они разводятся. Эгоисты! Им плевать, что я чувствую! – бормотала Светка, сидя на стуле и нервно покусывая кончик карандаша. Казалось, она вот-вот прикончит все карандаши своими крепкими зубами. – Это конец...

Тогда я в первый и последний раз вслух высказала то, что чувствовала долгие годы:

– Дура ты, Светка. Родители у тебя оба живы? Живы. И сейчас тебе важнее свое счастье, чем их. Какой это конец света?! Ну, будете вы жить в разных квартирах, тебя что, от этого любить меньше станут?! Лучше бы ты ценила то, что они есть, в браке или нет.

Светка и выругаться не успела, как начался урок и я села за парту. Она не сводила с меня глаз все сорок пять минут и выдернула из толпы одноклассников на перемене.

– А ты не подумала, что кто-то из них заведет новую семью? Что они действительно разлюбят меня?! – выплюнула она мне в лицо.

Я молчала. Нет, об этом я не подумала. И все же мне и сейчас хотелось бы знать, что отец жив, пусть и не любит меня больше. Из-за нехватки мужского внимания я стала сама не своя. Пыталась принарядиться, но, как только парни решались со мной познакомиться, ретировалась. Все было не то, и я сама не понимала, чего именно от них хочу. Иногда мне казалось, что я готова броситься на шею первому встречному, лишь бы он держал меня в объятиях и защищал от всех напастей. А потом разум брал верх над подростковыми гормонами, и я куталась в мешковатые вещи, стараясь казаться незаметной.

– У меня сейчас ноги отвалятся... – пыхтела Милена.

Мы уже полтора часа ехали по ухабистым дорогам, покинув пределы деревни. В наших местах повсюду росли ивы, высокие клены, тополя и другие деревья с пышными кронами. В этом же селе в ряд стояли одни лишь тонкие березы, склонившиеся так, словно всей семьей оплакивали общее горе и нашептывали предостережения шелестом листвы.

– Нытик, – фыркнула Аня. – Это ведь ты настояла на поездке, мы с Гайкой вообще собирались весь день отрабатывать искусство макияжа, точнее грима, и актерское мастерство!

– Как можно променять путешествие по заброшенному селу на всю эту... фигню? – сморщилась Милена.

– Вообще-то, я хочу стать актрисой, и тебе это известно, – не скрывая обиды, ответила Аня.

– Девочки, кажется, надвигаются тучи... – отвлекла их от спора я.

– А я говорил, надо было на тракторе ехать! – буркнул издали Андрей.

– Ага, чтобы перепугать не только живых, но и мертвых. Они оглохнут от его выхлопа! – усмехнулся Вован.

Сейчас наш путь лежал через холмы. По подсчету Андрея, оставалось минут двадцать, и я, не признаваясь вслух, реально боялась, что у меня откажут ноги. Небо над нами было светло-голубым, однако сзади нас нагоняла темная, почти черная туча. Ничего хорошего это

не предвещало. Как мы будем выбираться из этого забытого богом села по грязевым морям – вопрос.

– Это еще кто? – спросила Аня.

Мы дружно обернулись. Сзади медленно ехала машина, водитель явно переживал за состояние подвески. Немудрено, дорога вся в колдобинах, отсюда можно уехать без днища.

– Двигайтесь, ну же! – поторопила я.

Мы ехали прямо посередине и теперь выстроились друг за другом по правую сторону. К нашему удивлению, машина притормозила. Медленно опустилось тонированное стекло, и, увидев лицо водителя, я чуть не грохнулась.

– Подвезти? – спросил Степа, который сидел на пассажирском.

Его светлые волосы и глаза оттеняло ярко-голубое поло. Алик, он же урод Красильников, был одет в широкую черную футболку, которая углубляла цвет его изумрудных глаз.

– Да мы не... – собрался ответить Андрей и тотчас обернулся.

Прямо за машиной Алика ехал пикап Добрыденя.

– Закидывайте велосипеды! – кивнул Степа в направлении Мишиной машины.

И чего это они без своей женской группы поддержки? Ах, точно. Тут-то я и заметила Кристину в пикапе. А вот Ульяны не было.

– Как-нибудь сами, – фыркнула Милена и закрутила педали.

Мы с Аней последовали ее примеру, а эти двое... предателей действительно закинули велосипеды в открытый багажник и уселись в машину Красильникова.

– Чтoб им пусто было! – снова буркнула Милена.

– Аглай, а вы с Аликом встречались после того случая с лошадьо? – поинтересовалась Аня.

– Упаси боже. Я и сегодня не надеялась его встретить.

Машины обогнали нас, и, конечно, Алик прожег меня взглядом, а затем так газанул, что вся пыль полетела нам в глаза.

– Идиот...

– Тебе не кажется, что он уделяет твоей персоне слишком много внимания? – деликатно спросила Аня, стараясь не смотреть мне в глаза.

– Воронцова, еще что-нибудь в этом духе, и уже никакая Ведьмина мазь тебе не поможет, – рассмеялась я и дала деру.

Минут через десять, когда машин и след простыл, мы увидели почерневшие, разрушенные дома. На Сорокиной горе когда-то жили цыгане, но после того, как в тысяча девятьсот шестьдесят первом году по селу прошелся смерч (наиредчайшее явление в этих краях), табор перебрался в другое место. И тогда некий мимо проезжавший Сорокин решил отстроить целое село. Он собрал бригаду мужчин, у которых не осталось домов после смерча и ввиду других обстоятельств, и общими силами они возвели целую деревню.

– Кажется, все вон там, – задумчиво произнесла Милена.

Ее слова подтвердились – перед самым уцелевшим домом припарковались знакомые машины. Дело в том, что спустя сорок лет смерч прошелся по селу во второй раз, что навело на мысли о проклятой земле, ведь стихия затрагивала исключительно Сорокину Гору. Большинство семей к тому времени перекочевали в Курск, кто-то в другие города, а кто-то в нашу деревню.

У дома перед нами, единственного, еще остались крыша и стены, даже в одном окне сохранились стекла. Я знала, что смерч унес жизнь многих людей, и было как-то не по себе осознавать, что... возможно, мы первые, кто тревожит покой этих мест. Дома здесь когда-то были красивые, расписные, с яркими ставнями, однако теперь мы видели лишь развалины и запущенные сады вокруг. Было трудно пробираться сквозь высокую, густо разросшуюся траву.

– Напомни, что мы здесь делаем? – нервно спросила я у Милены.

– Мы... ищем приключений! – ехидно улыбнулась она и спрыгнула с велосипеда.

Оставив своих механических друзей, мы вошли в дом. Я заметила, что Кристина с Женей остались в машине, сводная сестра Красильникова с недовольным лицом раскуривала сигарету.

– Наверное, такой цаце негоже ступать в такие руины... – подметила Анька.

Внутри дом хорошо сохранился. Как и в любом другом деревенском доме, нас встретили сенцы, уставленные гигантскими сундуками и чемоданами из натуральной кожи. Сундуки у деревенских жителей считались предметом сакральным и стоили довольно дорого. В них прятали ценные вещи, украшения, приданое, посуду или что-то очень близкое сердцу. Дальше стояла длинная скамья, а за ней располагалась дверь, ведущая в кухню. Мы шли на цыпочках, словно боялись быть пойманными непонятно кем.

Я глубоко вдохнула аромат старого опустевшего дома. Удивительно, ведь каких-то десять лет назад здесь царила жизнь! Воображение рисовало картины домашнего быта покинувшей его семьи.

Парни уже всю обшаривали кухонные ящики, даже заглянули в печку, но не смогли вскрыть сундуки. Пока.

– Здесь, кажется, жили дети. – Аня указала на две маленькие кровати в большой комнате. На них не было перин, но лежали мягкие игрушки. Жутковатые пыльные одноглазые игрушки.

– Долго же вы! – так громко сказал Андрей, что мы подпрыгнули.

– Чего шумишь? – спросила Милена.

– А кто нас услышит? Духи? – хохотнул Андрей и пошел осматривать шкаф.

На полу валялись осколки выбитых окон и несколько деревяшек, упавших с обветшавшего потолка. Наверняка смерч похозяйничал и здесь. Я только надеялась, что к тому времени семья успела покинуть село. Подойдя к комоду, покрытому изодранной грязной красной скатертью, я увидела рамки с черно-белыми фото. На одном мужчина держит на плечах двух маленьких дочерей. На втором он же обнимает красивую невесту. На третьем лишь его портрет: густые черные брови, такие же усы, пронизательный взгляд исподлобья. А рядом я заметила наградной лист в рамочке: «Федорищев Петр Иванович»...

Я отшатнулась.

– Гайка? – подошла Аня. – Ты чего?

Милена тут же взяла в руки фото.

– Красивый мужчина.

– Был, – выдавила я.

– С чего ты взяла, что он умер?

– Прочтите. – Я протянула им наградной лист.

Девочки прочли и уставились на меня в недоумении.

– Петр Иванович. Ни о чем не говорит?

– А должно? – покосилась Милена, еще раз обегая взглядом фото.

– Господи, память у вас, как у рыб, – фыркнула я.

– Так объясни...

– Аглая?

Я вздрогнула, услышав голос Алика за спиной.

– Что?

Он явно хотел что-то сказать, но тут объявился Степа и хлопнул его по плечу.

– Ну что, на второй этаж?

– Здесь есть второй этаж? – в ужасе спросила Аня и подняла глаза.

Потолок наполовину обвалился.

– Пойдем, – зачем-то согласилась я.

Наверное, испугалась, что, если Степа уйдет, Алик все же продолжит говорить...

– Эх, Гайка, ты всегда была бесстрашной! – заявил Степан.

– Ага, – кивнули девочки и разразились смехом. Уж они-то все мои грешки знали.

Алик нахмурился, проводил нас взглядом и ушел в кухню. Мы со Степой осторожно поднялись по лестнице, которую сначала и не заметили. Она скрывалась за потертой шторкой в сенцах. На втором этаже стояла большая двуспальная кровать и из-за плотно закрытых ставен было так темно, хоть глаз коли.

– Давай руку, – предложил Степа.

Жест доброй воли от Кузнецова меня удивил, но я все же не стала придуриваться и взяла его за руку. Здесь действительно можно было наткнуться на что-нибудь. Мы медленно пробирались к середине. Я заметила на тумбочке две свечи. Одна согнулась пополам от жары, а воск от второй стек на стол и так и застыл. Половицы под нами скрипели так, что резало уши, а ведь мы на них еле наступали.

– Наверное, надо было сюда подняться кому-то из девчонок, а не мне, – посетовал Степа.

Его ладонь стала влажной, и он был абсолютно прав. Под его весом пол стонал.

– Господи, спаси, сохрани и помилуй! – вдруг закричал Степа.

Я так перепугалась, что вырвала руку и в панике осмотрелась. Поняв, что привело в шок этого здорового парня, я завизжала во все горло. На кровати, рядом с которой мы стояли, лежал полуистлевший труп.

– Гайка! Степа! – кричали снизу ребята.

А я продолжала визжать, пятясь назад. Степа зажал мне рот ладонью, словно боялся, что я сейчас разбужу скелет с остатками плоти. Удивительно, но в комнате не чувствовался смрад разложения.

– Бежим, Алька! – только и успел сказать Степа.

Прямо под его ногой провалилась половица, а затем пол вообще «пошел по швам» и мы с Кузнецовым полетели вниз. Дальше – темнота.

4 июля, вечер

– Аглая! Аглая!

Мое имя звучало где-то вдали, приглушенно. Я открыла глаза и несколько раз моргнула. Фокус восстановился, звуки стали громче, а боль – нестерпимой.

– Слава богу! – вздохнула Аня.

Мы со Степой лежали на полу, вернее на обвалившихся досках, продолжая держаться за руки. Наши взгляды встретились, и мы одновременно отдернули свои конечности. Степа встал так, словно и вовсе не падал с высоты второго этажа, и отряхнулся от паутины. Я разразилась приступом кашля. Тут ко мне подлетели Вова и Алик, оба протянули руки, чтобы помочь подняться.

– Ты в порядке? – спросили они в один голос.

– Что-то у меня в ушах и глазах двоится... – прокряхтела я.

Отдав предпочтение Вове, я протянула обе руки ему. Как-то неловко было касаться Краильникова, а вот Вовка был мне, можно сказать, братом.

– Гайка, что стряслось? – хлопотали Аня с Миленой, отбирая меня у Вовы.

– Там... – Я даже не знала, как правильно объяснить увиденное.

– Труп, – закончил за меня Степа.

Голову и спину пронзила боль. Я, прихрамывая, держалась за поясницу, пока мы выходили из этого адского домишки.

– Труп?! – воскликнули все хором.

– Прямо на... – снова начала я.

В эту же секунду заскрипел потолок, и все бросились врассыпную. Не выдержав, он обвалился окончательно, и на первый этаж рухнула постель вместе с убийственным сюрпризом.

– А-а-а-а!

Все закричали так громко, что пришлось зажать уши. Меня вытолкнули из дома и насильно погрузили в машину. Только когда водитель завел двигатель и резко дал по газам, я поняла, что в салон меня пихнул не кто иной, как Алик. Сзади запрыгнули Степа с Анькой и Миленой.

– И куда мы едем?

– Подальше отсюда, – ответил Алик.

– А я уже даже свыкся, а ты, Гайка? – хмыкнул Степа.

Конечно, ведь мы первые встретились с этим ужасом.

– Наверное, следует вызвать скорую и полицию... – прошептала я.

– Зачем? – к немалому моему удивлению, возразила Милена. – Никому не было дела до этого дома, а так нас еще и отругают. Мне лично проблемы не нужны. А этот хилый потолок мог обвалиться и без нашей помощи.

Я пожалала плечами и тут же вздрогнула от боли. Ныла вся спина. Я решила осмотреть руки и обнаружила несколько порезов – мы свалились прямо на сервант.

– Никогда раньше трупов не видел. Только по телику. У меня дед обожает сериал «След», знаете такой? – нервно произнес Степа.

– Мы с бабушкой смотрим по вечерам в городе. Здесь, кроме Первого канала, ничего не ловит, – хмыкнула я. – Все-таки приятнее наблюдать такое по телевизору, а не вживую.

– Да ладно, Гайка, ты же собираешься стать врачом. И не такого насмотришься, – вздохнула мне волосы Милена.

– У-у-у, медицина – это серьезно, – кивнул сам себе Степа.

– Я не уверена, что... что буду врачом, – почти шепотом сказала я.

Услышал эти слова только Алик и тут же посмотрел на меня с прищуром. Машина покачивалась на кочках, Алик крепче схватил руль, а я взялась за верхний поручень.

– Так куда мы едем? – снова спросила я.

Небо стало таким темным, затянутым тучами, что не осталось мельчайшего просвета. Можно подумать, сейчас не восемь вечера, а далеко за полночь. Как по заказу, прогремел гром, и сверкнула ослепительная молния.

– Сейчас пойдет ливень, – констатировала Аня. – Наверное, лучше поехать домой. Вы сможете нас отвезти?

– Нет, оставим в поле, под деревом, – хмыкнул Алик.

Что-то мне подсказывало, что он на такое вполне способен.

– Какое геройство, еще недавно ты был не прочь меня утробить, – шепотом возмутилась я, чтобы сзади меня никто не услышал.

Отвернувшись к окну, я заметила первые капли дождя.

– А кто сказал, что я передумал? – хмыкнул он.

Я резко обернулась и успела заметить короткую ухмылку. Придурок. Признаться, это была одна из самых уютных поездок в моей жизни. Ливень бил по стеклам, Алик вел машину с минимальной скоростью, чтобы не застрять в многочисленных ямах, в салоне стояла абсолютная тишина, нарушаемая лишь громом и ливнем. Велосипеды, как сообщил нам Степа, закинули в пикап. Понятия не имею, как им удалось их разместить в одном багажнике, поэтому тихо молилась о том, чтобы мой оттуда не выпал.

В первую очередь мы отвезли Миленку. Я видела, как из Мишиного пикапа выходит Андрей и забирает два велосипеда. Затем мы отправились на левую сторону. Алик завез Степу в его двухэтажный кирпичный домик, потом Аньку – они жили через дом. Как только я осо-

знала, что осталась с Красильниковым в машине наедине, мне стало не по себе. Я вжалась в кресло.

– Слушай, ты не мог бы остановить вот здесь? – попросила я.

– До твоего дома еще как минимум четыре участка.

– Ничего, я дойду.

– Ты хотела сказать, доплыву?

– Просто останови машину, – взъелась я.

На самом деле главной причиной было далеко не стеснение и даже не раздражение, которое вызывал Красильников. Дело в том, что если дед заметит меня, катающуюся один на один с Аликом, то мне крышка.

– И не подумаю.

Я нахмурилась и кое-как поборола желание перекинуть ногу через коробку передач, чтобы выжать тормоз. Мне было стыдно признаться Алику в том, что меня ждет дома, и в то же время выводило из себя это его «и не подумаю»!

– Пожалуйста... – в последний раз попросила я, когда мы проезжали мимо соседей – Дементьевых.

Однако все оказалось хуже, чем я могла предположить. Дедушка как раз возвращался от Дементьевых в не самом трезвом духе.

– Это мой дедушка, пожалуйста,пусти!

Алик резко затормозил, чем привлек внимание деда. Я вышла из машины и подбежала к нему, даже не попрощавшись с Аликом, хотя тот не собирался сдавать назад или разворачиваться (его дом располагался возле Степиного).

– Не понял... – кое-как выговорил дед. – Это еще что такое?

– Привет, деда, начался дождь, и мы...

Но дедушка словно не слышал. Он уже рассмотрел водителя и пустое пассажирское место.

– Ты что, шашни крутишь?! – взревел он.

– Нет, клянусь, меня просто подвезли, как и всех остальных...

– Бегом в дом! – заорал дед.

В тот момент Алик как раз двинулся дальше, и я, еле сдерживая слезы, молилась, чтобы он не увидел, как дед схватил меня за волосы и потащил в дом. Бабушка встретила нас на крыльце, в глазах ее застыл испуг. Она бросила картошку, которую чистила, в здоровенный таз с водой, вытерла руки и выбежала мне навстречу.

– Витя, Аглая, скорее в дом, молнии не утихают!

Дедушка толкнул меня вперед, и я чуть не свалилась на ступеньках.

– Витя! – вскрикнула бабушка.

– Сидишь дома до дня рождения. Поняла меня?!

Лицо деда было прямо напротив моего, и меня чуть не вывернуло от запаха перегара. Господи, как в человеке могут уживаться две личности? Трезвый дедушка пусть и суровый, но чуть более адекватный. Я от «обоих» не раз получала шлепки скакалкой, и все же этот, пьяный, был страшнее и агрессивнее.

– Витя!

Это все, на что была способна бабушка. Она знала, что, стоит ей влезть, и она тоже получит. Так что всегда выбирала себя, но неизменно надеялась, что ее оклики принесут пользу и успокоят деда.

– Хорошо, – кивнула я и убежала в спальню.

А вот самое печальное в том, что спали мы все в одной комнате.

Глава 6

7 июля, левая сторона

Итак, дедушка смилостивился и выпустил меня из дому. Наверное, ему надоело слушать мои рыдания, в разбитом состоянии я совсем не годилась для сбора малины и ежевики. Меня дважды успела атаковать армия красных муравьев, поэтому ноги, которые зудели еще после падения, огнем горели от боли.

– С праздником, Аглая! – поприветствовала меня утром бабушка. – Дед поехал в Абрикосовку, к Леоновым.

– И тебя, бабуля, – кивнула я.

– Он пробудет там до вечера... – продолжила она.

– И?

– Можешь встретиться с девочками. Я скажу, что ты останешься у бабушки Люси. Только тебе действительно придется у нее остаться. Хотя, может, дед у них переночевать решит. Вряд ли он будет в состоянии вести машину.

– Странно, что он не потащил нас с собой.

– Он решил, что ты все еще в каком-то роде наказана, поэтому оставил дома.

Я взглянула на бабушку, и мы рассмеялись. Вот уж что я ненавидела пуще, чем быть под домашним арестом, так это поездки «в гости». Они заключались в том, что я сидела пнем не вправо рта раскрыть и несколько часов кряду наблюдала за эволюцией алкогольного опьянения родственников, а также выслушивала дискуссии на самые животрепещущие темы: политика, экономика, соседские сплетни.

– Только не вздумайте ходить сегодня на водокачку, – пригрозила бабушка, выкладывая в мою тарелку гренки.

В нашей деревне день Ивана Купалы отмечали... своеобразно. Все друг друга обливали. Поливали из шлангов, окатывали из ведер, тазов, и все это прилетало внезапно, исподтишка. Когда нам с девочками было по десять, мы отправились к водокачке, которая стояла в самом конце кукурузного поля. Вид оттуда открывался прекрасный – растущая кукуруза, подсолнухи, пасущиеся лошади, коровы. И мы в честь праздника решили облить себя самостоятельно, по очереди вставая прямо под небольшое отверстие, из которого капала вода. Домой мы вернулись мокрые до нитки, за что хорошенько огребли, и на следующий день все трое свалились от простуды.

– Не волнуйся, ба, не так уж это было и круто. И все же лучше, чем внезапно прилетевшее в тебя ведро воды, – хихикнула я.

– Сегодня жара, так что будь аккуратнее.

Я надела тонкую белую майку, которая доходила почти до колен, и короткие джинсовые шорты. И только когда добрела до Анькиного дома, спохватилась, что не надела лифчик. Я совсем забыла, что *теперь* его необходимо носить даже в деревне. Наверное, заметь меня дедушка, пришиб бы на месте.

– Гайка!

Аня прыгнула с крыльца и выбежала мне навстречу, впуская в объятия.

– Дед смиловался? – поинтересовалась она.

Подруга заходила на следующий же день после поездки в заброшенное село, и я намекнула на то, что наказана (рядом стоял дед, и мы не могли откровенничать).

– Уехал к родственникам.

– Я так рада, что ты пришла! Мы ведь не могли пропустить этот праздник!

– Да уж, вернуться домой промокшей мечта, – хмыкнула я.

– Погоди, может, нам еще удастся увильнуть. Кстати, схожу за ведрами.

Аня поспешно удалилась в дом.

– Аглая, привет! – В мою щеку прилетел неожиданный поцелуй.

– Ой, Елена Сергеевна, здравствуйте! – улыбнулась я Аниной маме.

Они были похожи как две капли воды. Обе светлоглазые блондинки, невысокие, с пышными формами. Тетя Лена держала в руках охапку сена.

– Иду коровам раздавать, – пояснила она, проследив за моим взглядом. – А вы, значит, идете под обстрел?

– Что? Ах да! – стукнула я себя по лбу.

– И сами будем искать жертв... – зловеще задвигала бровями Анька, возвращаясь с двумя пустыми ведрами.

– Хорошо, отдыхайте. Рада была тебя видеть.

– И я, тетя Лен!

Мы направились к плотине, чтобы перейти на другую сторону и зайти за Миленой. Наполнив ведра в пруду, мы не спеша потащили их, постоянно оглядываясь.

– Главное, держаться подальше от заборов, – напомнила мне Аня.

– Думаешь, ничего не изменилось? Я имею в виду, жители деревни седьмого июля продолжают обливать друг друга вместо приветствия?

– А почему что-то должно было измениться? – удивленно моргнула Аня.

– Не знаю... Слушай, а где твой папа?

– На рыбалке. Короче говоря, в запое.

Анькин папа разрушал мою теорию об отцах. Часто я слышала от нее злобные фразы: «Лучше бы его не было... Лучше, когда вообще нет отца, чем такой... Это обуза, которая тянет нашу семью, а особенно маму, ко дну». Что ж, со временем я стану лучше разбираться в психологии и перестану грести людей под одну гребенку.

– Анют, зайдем к прабабушке?

– Конечно, – кивнула подруга.

От тяжести ведер отваливались руки, и мы с нетерпением ждали встречи с первой жертвой, чтобы их опустошить. Нам оставалось пройти по меньшей мере двадцать пять домов до прабабушкиного!

– Стой! – шикнула Анька и схватила меня за руку.

Мы отошли в ближайшие кусты и стали наблюдать за Журавлевыми. Ульяна и ее брат Саша, двухметровый блондин, держали в руках водяные пистолеты и собирались с кем-то на встречу. Так я рассудила по пышным кудрям и яркому макияжу Ульяны. Сомневаюсь, что она бы накрасилась ради похода в коровник. Мы подкрались незаметно (насколько это было возможно с тяжеленными ведрами, которые бились друг о друга, расплескивая воду) и, как только наши жертвы обернулись, окатили их водой и припустили прочь со всех ног, залиристо хохоча.

– Сволочи! – кричала Ульяна.

Саша же принялся палить из пистолета. Он попал в нас обеих, и все же струи пистолета были гораздо безобиднее ведер, на жаре пара мокрых пятнышек высохнут мгновенно. А вот Ульяне придется поправлять поплывший макияж.

– Ты видела их лица? – смеялась Анька.

– Я видела, как бежит тушь по лицу Журавлевой.

Мы не сбавляли темпа и, ввалившись в дом бабы Люси, здорово ее напугали.

– Едрить тебя некому, Аглайка! Ой! – спохватилась бабуля. – Анечка, здравствуй! Как дела? Проходи, я тут крыжовника нарвала. А че эт вы мокрые?

– Людмила Васильевна, так ведь Иван Купала!

– А! А я думаю, чего это Воробьевы весь день у забора торчат? Точно выслеживали кого.

На улице раздался грохот. Мы с прабабушкой и Аней подбежали к окну. Кажется, все жители деревни решили устроить водную битву! Соседи повыскакивали из домов, обливая друг друга из ведер, шлангов, водяных пистолетов, люди смеялись и кричали, падали и бросались грязью.

– Побежали! – дернула меня за плечо Анька.

– Бабуль, я сегодня у тебя буду ночевать!

Баба Люся только и успела, что махнуть мне на прощание. Мы с Анькой прокрались к колонке и быстренько наполнили ведра. Слева стояли Воробьевы, их инвентарь уже опустел, сами они промокли до нитки.

– Аглая! – радушно улыбнулся дядя Дима.

– С праздником! – крикнула я в ответ.

Он вмиг все понял. Прикрывая собой жену, дядя Дима попробовал бежать, однако большая часть воды из ведра его все же окатила. Дядя Дима и тетя Оля расхохотались.

– Ах ты, шустрая девчонка! Попадись ты мне пятью минутами раньше!

– Я видела, как безжалостно вы поступили с Ефремовыми, – рассмеялась я в ответ.

– Передавай привет Вите и Наде! Пусть заходят в гости!

– Конечно, я...

Тут-то мне и прилетел удар. Повезло, что окатило лишь ноги, и все-таки вся пятая точка мгновенно промокла. Я, ошарашенная, обернулась. Это был Андрей, гад такой!

– Офонарел?! Это разве по-дружески?!

– Так ведь праздник-то общий! – усмехнулся он.

– Анька! – выразительно посмотрела я на подругу.

Воронцова поняла меня с полуслова и тут же отправила литров пять воды в сторону Андрюхи. Этот хитрец не успел отскочить и теперь хлопал мокрыми ресницами.

– Ладно. Один – один. Пойдем за Грачевской?

И мы – мокрый Андрей, подмокшая я и почти сухая Анька – пошлепали к Миленке. У нее во дворе творился настоящий хаос – дети бегали друг за другом с водяными пистолетами, а наша подруга лежала в засаде, то есть в яме рядом со свинарником, и оттуда палила по младшим.

– Не вздумайте выдавать меня! – прошипела она, лежа на земле.

– Тогда вылезай оттуда и иди к нам! – позвал Андрей.

– Это что у вас? Ведра? – вскинула бровь Милена.

– Ага, наши орудия, – хмыкнула Аня.

– Оставьте их здесь, я возьму пистолеты. А этот пусть прогуливается со своим ведерком, нечего нам тяжести таскать. Кстати, а где Вова?

– Ты опять забыла? У его бабушки сегодня день рождения, – взмахнула руками я.

– Слушай, это ты себе забиваешь память всякими бесполезными датами! – проворчала в ответ Милена.

– Бесполезными? Тогда в следующий раз, когда ты спросишь, какого числа день рождения у Аньки или Андрея, я тебе не отвечу, – высунула язык я.

– Ты правда не помнишь?! – сердито уставилась на Милену Аня, скрестив руки на груди.

– Ой, все! Дайте мне уже руку и вытащите отсюда, ради бога!

– А где «пожалуйста»? – растянул слова Андрей.

– Р-р-р... – Из ямы послышалось невнятное рычание.

– Понял, – смекнул Андрей и пошел вызволять нашу злюку. – Слушай, Грачевская, а ты бываешь доброй? Хоть иногда?

– Только когда ты помалкиваешь!

– Все, ребят, брейк! – фыркнула Аня. Они действительно могли цапаться весь день напролет. – Пистолеты не забудьте.

Дождавшись их в заброшенном поезде, где пахло гниющим сырым деревом и подземкой, мы пошли гулять. Решив пока не попадаться на глаза деревенским, мы свернули в лес, который вел на левую сторону.

– Вы тоже это заметили? – спросил Андрей.

– Что? – хором выпалили мы втроем.

– Ну, что все... как-то иначе. Что мы – другие.

Недалеко от нас подала голос кукушка. Под ногами хрустели сухие ветки, кроны деревьев не пропускали солнечные лучи, оттого с каждым шагом становилось прохладнее, несмотря на жару.

– Андрей, как странно слышать от тебя такие философские размышления... – хмыкнула Милена.

– Ты прав, – поддержала его я. – Я чувствую это с самого первого дня. Не то, что вы какие-то не такие, а то, что мы повзрослели. Я словно отчетливо ощутила, что детство ушло.

– Наверное, мне сложно вырваться из детства, поскольку дома меня ждут маленькие монстры, – вздохнула Милена.

– Я согласна с Гайкой. Все проблемы, которые раньше мной вообще не воспринимались, вдруг обострились. Мне уже не плевать, когда отец пьяный, я больше не испытываю перед ним никакого страха. Не горю желанием лазить по деревьям, делать кукол из мальвы и каждый раз перед сном думаю – а не последнее ли это лето в деревне?

Этот вопрос ударил мне под дых. Ведь и меня он преследовал с тех пор, как я сюда приехала. Только вот взрослеть совсем не хотелось.

– Не могу представить, что однажды мы перестанем видеться, – вздохнул Андрей, покосившись на Милену.

– О, я грежу об этом каждый день! – бросила Милена, но все мы знали, что это неправда.

– Ты ведь собираешься перебраться в столицу. Значит, если не в деревне, то уж в Москве точно будем видеться, – попыталась поддержать Андрея Аня.

Этот разговор вызвал необъяснимую горечь разлуки, хотя впереди нас ждало почти два месяца лета.

– Давайте не будем о грустном! – воскликнула я. – О, кажется, мы вышли к Степкиному дому.

– А вот и он сам... – шепнул Андрей.

Степа и Женька Черный стояли у машины прямо перед железными воротами. Ворота были закрыты, видимо, Степа куда-то собрался. На створках ворот были нарисованы крупные розовые лилии – их лет десять назад нарисовала Степина бабуля, и дед после ее смерти каждый год подкрашивал бледнеющие цветы.

Степа оперся на колесо ногой, что-то бурно рассказывая Женьке. У Женьки была говорящая фамилия. С первого взгляда можно было подумать, что он уроженец горных республик, однако такой уж была его кожа – загар к ней лип, как мухи к...

то есть как репейник к одежке! Женька был самым старшим из нас, зимой ему исполнилось девятнадцать, но выглядел он лет на шестнадцать, не больше. Очень щуплый, низкорослый, с кривым после перелома носом и густыми черными волосами. Зато он был самым тихим из всей шайки, лишь изредка мог посмеяться над шуткой. В основном молчал, вслушивался и внимательно изучал нас, отчего иногда мурашки блуждали по коже.

– Вот блин, вы мне пустой пистолет подсунули! – заметила я, прицелившись в сторону Степки.

– Посмотри, слева колонка! Беги! – шепотом указала Аня.

Там, куда она показывала, росли кусты малины. Отлично, теперь еще и пробираться мимо клопов! И когда я начала брезговать насекомыми? Вот оно, взросление. Крадучись я прошмыгнула сквозь кусты. Теперь на моем пути встали лопухи и каштан. Я была так увлечена поис-

ками колонки, что совсем забыла, кому принадлежит соседний дом. Голубая колонка стояла в пяти метрах от забора из профнастила цвета мокрого асфальта.

Сначала я решила попить из ладоней, жадно поглощая воду, и только потом подставила пистолет. В то же мгновение меня облили водой так, что я разом промокла насквозь. При попытке сбежать я потерпела крах – ноги заскользили в мокрых шлепанцах, и я шмякнулась в новообразовавшуюся лужу.

– Убью... – прошипела я, выплевывая попавшие в рот волосы.

Послышался раскатистый смех, который, несмотря на обстоятельства и разраставшийся гнев, буквально окутал теплом. Алик Красильников держался одной рукой за живот, а второй за шланг.

– Сволочь! – рыкнула я и вскочила с травы.

Он не ожидал стремительного нападения, я направила на него пистолет и попала прямо в самодовольную рожу! Алик медленно и сердито вытер капли с лица. Кудрявые каштановые волосы прилипли ко лбу. Мгновение он колебался, и я не понимала, что у него на уме. Он сделал несколько шагов мне навстречу, не сводя с моего тела золотисто-зеленых глаз.

– Что ты...

И тут я опустила взгляд. Господи боже! Да ведь у меня насквозь промокла майка! Ну почему, почему именно сегодня мне нужно было забыть о бюстгальтере?! Я стояла как вкопанная, а Алик все приближался, пока не подошел вплотную. Мне стоило отойти. Стоило выхватить шланг и окатить его с головы до ног, но я просто не могла пошевелиться под его поглощающим взглядом. Впервые в жизни мне было так неловко и... любопытно.

Алик вдруг поднял руку, словно в мгновенном порыве, и я слегка отпрянула. При этом мы неотрывно смотрели друг другу в глаза. Как только его пальцы коснулись моего плеча, я ощутила сильнейший электрический разряд. Странное покалывание разлилось по всему телу, я вздрогнула и громко втянула воздух. Сейчас, когда он стоял так близко, я осознала, насколько он высокий и... какие широкие у него плечи. Алик резко убрал руку, а я попыталась слотнуть ком в горле. Никогда еще я не ощущала такого напряжения. Да, Вова и Андрей десятки раз меня обнимали, и я считала эти теплые объятия единственно возможными между парнем и девушкой, но то, что вызвало это незначительное прикосновение, повергло в шок.

– С праздником, Аглая! – выпалил он.

Напряжение исчезло, я отскочила, прикрывая грудь.

– Да уж, большое спасибо!

Мне хотелось ругать его на чем свет стоит, но, если разобраться, он не сделал ничего плохого. Я и сама сегодня участвовала в обливаниях. Негодование, которое он вызывал во мне, пугало.

– Я как-то не ожидал, что ты... – Алик приподнял брови и снова посмотрел в область моей груди.

– Что я «что»?! – рассердилась я.

Боже, как стыдно! Я, должно быть, красная как рак!

– Я хочу сказать, может, принести тебе футболку?

Я уже собралась на него наорать, как вдруг поняла, что в таком виде не могу разгуливать по деревне.

– Если тебе не сложно, все-таки это твоих рук дело...

Алик криво улыбнулся и скрылся за забором. Кажется, он и сам был в шоке. Но от чего? Не думаю, что он впервые увидел очертания женской груди.

– Держи. – Алик протянул мне черную футболку. – Можешь оставить себе. Если хочешь, я открою машину, чтобы ты переделалась.

– Да, спасибо большое.

Алик проводил меня до машины, где я разместились сзади и быстренько сменила одежду. На мокрые шорты было плевать, а в черной футболке мне теперь нечего бояться промокнуть – она не просвечивала, а плотная ткань согревала.

– У тебя кровь... – заметил Алик, как только я вышла из машины.

Я посмотрела на ноги – точно, коленку разбила, когда в шлепках поскользнулась.

– Сейчас достану перекись с пластырем, они в бардачке.

– Да ладно тебе, кругом растет подорожник!

Алик на секунду замер, и мы оба рассмеялись.

– Прости, я еще не привык к деревенской жизни. Совсем забыл, что у вас есть лекарство от всех болезней. Но я все-таки прибегну к перекиси, ладно?

Не дождавшись ответа, Алик нырнул в машину, и, пока он стоял, согнувшись, я смотрела на его пресс под приподнявшейся футболкой. Боже мой, куда я пялюсь? И почему меня вдруг интересуют мужские животы?! Осмысливая, я не заметила, как он успел присесть и вылить перекись на ватку.

– Алик, я са...

Но его рука уже легла на мое колено, и я чуть не потеряла равновесие. Это что за оружие такое?! Как прикосновения могут доводить до потери сознания? Надо взять себя в руки. «Аглая, это всего лишь колено!» Алик не мог не заметить моих ослабевших ног, а уж мурашек и подавно, поэтому я решила выкрутиться:

– Ай, щиплет!

Очень зря. Алик тут же принялся дуть на рану. Его теплое дыхание вызвало еще больший мандраж.

– Гайка! Слава богу, а что это вы... – Аня застыла, разглядывая склонившегося Алика. – И почему на тебе эта футболка?..

– О, дело в том, что этот... подлец окатил меня из шланга, я свалилась и разбила колено, ну и...

– Да-да, конечно, – деловито кивнула Аня.

Тут подоспели Милена с Андреем. Алик, приклеив пластырь, встал.

– Не поняла... – сморщилась Милена.

– Еще раз объясняю: Алик облил меня из шланга...

– Оу... – Теперь сморщился Андрей.

– Да что ж вы за придурки такие... – вздохнула я.

Тут из-за кустов послышались приближающиеся шаги и громкие возгласы.

– Где вы, сволочи?! Берегитесь! – Это был Степа.

– Вот черт! Гайка, бежим!

Аня схватила меня за руку, и мы с Миленой и Андреем побежали со всех ног в сторону поля. Я так и не успела поблагодарить Алика за колено.

Глава 7

Ночь с 7 на 8 июля, деревенский лес

Звезды рассыпались по бескрайнему небу, прохладный ветер нес за собой ароматы хвои и влаги от местного водоема. Луна была единственным источником света. Ухали совы, периодически пролетая над нашими головами во время ночной охоты. Мы с ребятами направлялись к «лобному» месту, которое соорудили в чаще леса несколько лет назад. Так как одними купаниями праздник не ограничивался, нам предстояло прыгать через костер. Хотя на самом деле я сомневалась, что кто-то из нас рискнет этим заниматься. Мы любили посидеть ночью у костра и потравить байки.

– Как резко похолодало... – шепнула Аня.

– Это потому, что мы приближаемся к водоему, плюс в лесу всегда прохладнее, он же в тени, и...

– Милена, я знаю, как широки твои познания. Я просто поделилась тем, что мне холодно!

– Ничего, сейчас костер разведем, и полегчает, – хихикнула я и подбодрила Аню, сжав ее плечи.

Около восьми вечера я попросила Аню пройти мимо моего дома на левой стороне, дабы выведать, вернулся ли дед. Бабушка сразу заприметила блондинистую макушку моей подруги, прячущейся за крупным тополем, и подозвала Аню к себе, чтобы передать мне послание.

– Анюта, привет. Вот, передай Аглае кофту и скажи, что дедушка вернется не раньше завтрашнего вечера. Он звонил полчаса назад.

Я от радости запрыгала по полю. Затем мы предупредили прабабушку, чтобы она оставила ключ под керамической фигурой лягушки, украшавшей сад. И сейчас, блуждая по лесу, я наслаждалась ненадолго обретенной свободой.

– Наконец-то! – провозгласил Вова, который присоединился к нам вечером. – Так, давайте ищите ветки.

Мы разделились и принялись обламывать сухие ветви и подбирать опавшие. Я с ужасом обнаружила нескольких пауков и перебежала с места на место, чтобы вновь не встретиться с этими тварями. Зачем вообще создавать существо с восемью ногами? Какой смысл? Чтобы людям было чего бояться?

Через пятнадцать минут у нас выстроился деревянный шалашик из ветвей. Вова вытащил газету, просунул внутрь и поджег зажигалкой. Уже через пару минут вспыхнуло пламя. Мы расселись на толстые, расставленные по кругу бревна. Всего их было четыре, но мы заняли два, я устроилась между Вовой и Аней.

– Ну что, прыгать будете? – с усмешкой спросил Вова.

– Я так устала, что если прыгну, то упаду ничком и больше не встану... – протянула, зевая, Милена.

– Расскажите нам о Ведьме! – вдруг попросил Андрей. – Вы же к ней ездили, когда Анька ногу подвернула?

– Да и рассказывать, собственно, нечего, – пожал плечами Милена.

– Вообще-то... – подала голос я, и ко мне тут же все обернулись. – Кое-что есть. Прасковья гадала нам на кофейной гуще. Не буду пересказывать то, что она наплела, но... помните, она сказала, что мы скоро побеспокоим Петра Ивановича? Мол, потревожим его дух?

Произнеся это вслух, я покрылась мурашками. Эта мысль крутилась у меня в голове с того самого злополучного падения кровати с трупом.

– И? – сдвинула брови Милена.

Пламя костра отражалось на лицах ребят, треск дерева и уханье сов нарушали мертвую тишину леса. Я вздохнула и продолжила:

– Когда мы были в том доме на Сорокиной горе, я рассматривала фотографии, и там же был наградной лист, где...

– Ах! – вскрикнула Аня так, что мы все разом подпрыгнули. – Извините. Я вспомнила! Ведь там было написано «Петр Иванович»!

Даже у невозмутимой Милены глаза раскрылись шире некуда. Вова с Андреем скептически фыркнули.

– Совпадение, – отмахнулся Андрей.

– Удивительное совпадение. Ведь почти в каждом втором доме можно обнаружить в постели труп Петра Ивановича, – хмыкнула я.

– Жуть... – съежилась Аня.

– Эта бабка запудрила вам мозги.

– Прошло три дня с тех пор, как мы его «потревожили», а ничего мистического с нами не происходило, – сказала Милена.

Тут как по заказу подул резкий, сильный ветер, почти полностью потушивший наш костер. Мы прижались друг к другу и зажмурили глаза. Когда ветер стих, меня окутало дурное предчувствие.

– Так, у меня есть еще одна газета, а ты, Дрон, сгоняй за ветками, – велел Вовка.

Хотя лицо Андрея тяжело было разглядеть во тьме, судя по тому, как долго он переминался с ноги на ногу, не желая от нас отдалиться, было ясно – он тоже почувствовал неладное.

– Гайка, зачем ты об этом сказала, я теперь не усну, – прошептала мне на ухо Аня, прижавшаяся ко мне спиной.

– Хорошо, что домой я пойду с Андреем, – высказалась Милена.

Мы с Аней вытаращили глаза.

– Советую вам промолчать.

Мы так и поступили, но незаметно переглянулись.

– А-а-а! – закричал Андрей.

Мы так быстро вскочили, что чуть не споткнулись о бревно и не свалились напрямик в костер.

– Андрей! Что там?! – позвали мы.

– Все нормально. Просто ветка за капюшон зацепилась...

Мы прыснули от смеха, и атмосфера тут же разрядилась. Костер был восстановлен, и мы продолжили разговор. Пока Милена рассказывала о том, что мечтает поступить в педагогический и мучить своих будущих учеников, я засмотрелась на искры костра. Они быстро уносились в небо и так же быстро растворялись во тьме. Обхватив себя за плечи, я уловила аромат мужского парфюма и опустила глаза – точно, на мне ведь футболка Алика!

Почему-то мысль о том, что ткань когда-то касалась его тела, а теперь покрывала мое, заставила меня покраснеть. Будто в этом было что-то личное, интимное. Когда тебе по жизни не хватает мужского внимания, даже такие незначительные вещи согревают сердце, и объяснить этот эффект невозможно. Как и объяснить то, почему мне захотелось снова ощутить его прикосновение на своем колене.

– Глаш, ку-ку! – хлопнула меня по руке Аня.

– А, что? – очухалась я.

– Говорю, мне домой пора, не то мама распереживается, – улыбнулась Аня, собирая длинные волосы в хвост.

– Да, пойдете, баба Люся наверняка уже все молитвы перечитала, – буркнула я.

Мы потушили костер оставшейся в водяных пистолетах водой, а затем разделились на две группы: Аня с Вовой пойдут на левую сторону, я, Милена и Андрей – на правую.

Ане с Вовой идти минут десять от силы, а вот нам не меньше двадцати. Возле костра ночной холод не ощущался совсем, а теперь я натянула рукава кофты на ладони и стучала зубами. Милена с Андреем шли впереди, у них обоих ноги были длиннее моих, оттого я постоянно отставала. Озираясь во тьме, я везде подмечала жуткие тени и только потом узнавала в них колышущиеся ветви деревьев. Я старалась отогнать мысли об умершем Петре Ивановиче и словах Ведьмы, но любой шорох и шелест воспринимались мною как явление призрака.

Я так часто оглядывалась назад, что сильно отстала от друзей. Андрей уже обнимал Милену на прощание перед заброшенным поездом. Только я собралась добежать до них, как они помахали мне рукой, и Милена исчезла за забором, а Андрей повернул в сторону дома. Супер. Надо было их предупредить, что мне до смерти страшно. Стоит прийти домой, так прабабушка и в ночи продекламирует мне «Утопленника» Пушкина, и я вовсе не усну. Впервые деревня казалась мне тихой, точно гробница. Никаких привычных коровьих мычаний, бляения овец, ругани соседей. Никаких русских народных песен в исполнении захмелевших жителей. Только мои шаги и прерывистое дыхание.

Передо мной возник электрический столб, и мое воображение тут же нарисовало призрачный образ давно погибшей малышки, которая просто хотела поиграть в прятки, но у грозы были свои планы. Встряхнув головой, я утонула в землю и принялась тихонько напевать песню «Apologize» группы One Republic. А затем, прямо на втором куплете, у меня в пятнадцать лет чуть не случился инфаркт. Чьи-то сильные цепкие руки закрыли мне рот и обхватили за талию, а затем резко оторвали от земли. Я даже пискнуть не успела, потому что допевала куплет, и вышло: «Ты нужен мне так же сильно, как... **СЕРДЦУ НУЖНО БИТЬСЯ!**»

Пока я брыкалась, неизвестный маньяк швырнул меня в багажник автомобиля. Клянусь, я думала, что умру от страха раньше, чем он убьет меня своими руками. Было так темно, что я не то что не разглядела авто, а и своих ног не видела! А в багажнике и вовсе мгла! Я начала крутиться и долбить по крышке, в это же время машина двинулась вперед и слишком быстро для деревенской местности набирала скорость. Мне конец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.